

Богдан
Сушинский

СКИТАЛЬЦЫ ОКЕАНА

Морской авантюрный роман

Богдан Сушинский
Скитальцы океана

«ВЕЧЕ»

2008

Сушинский Б. И.

Скитальцы океана / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4444-8630-6

Шторм прибывает к пустынному острову пиратский корабль. На борту его полно сокровищ. Английский морской офицер Ирвин Рольф, живущий отшельником на острове, собирает рассеянную команду и пытается отплыть на континент. Но не все головорезы готовы подчиняться новому капитану. В новом романе Богдана Сушинского причудливо переплетаются вымысел и реальные факты из жизни пиратов XVIII века. Знак информационной продукции 12+

ISBN 978-5-4444-8630-6

© Сушинский Б. И., 2008

© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Богдан Сушинский

Скитальцы океана

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Сушинский Б. И., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Часть первая

Пираты всегда принадлежали к той отчаянной части человечества, высшим смыслом бытия которой становилась рыцарская преданность законам и традициям разудалого морского братства, а высшей наградой за риск, кровь да труды ее несправедливые – корабельный саван и королевская виселица.

Автор

1

Шторм постепенно утихал, однако раскаты грома и порывы ветра все еще, волна за волной, накатывались на остров, угрожая растерзать его, как нарвавшийся на мель полузатонувший корабль.

Прислушиваясь к оглушительному грохоту прибоя, Ирвин Рольф чувствовал себя так, словно стоял не на скальном уступе у входа в пещеру, а на затерянном посреди океана спасательном плоту. Поэтому то, что он рассмотрел во время одной из вспышек молнии, показалось ему совершенно немыслимым. Ночное видение, океанский мираж, бред... все, что угодно, только не благостная явь: неподалеку от входа в бухту, чуть левее его, вдруг появилось... очертание двухмачтового парусника!

– Но этого не может быть! – охладил свое воображение охрипшим от влажных ветров, простуд и долгого, томительного молчания, голосом штурман Рольф. – Перед тобой – всего лишь мираж!

И все же следующей вспышки молнии он ждал, как господнего озарения, которое все не являлось и не являлось ему.

«Да не может быть в этой бухте корабля! – отчаянно убеждал себя опытный моряк, точно так же отчаянно рассчитывая на чудо. – Ни один капитан, будучи в здравом уме, пробиваться сквозь ее чертову горловину не решится! Тем более – в такую ночь!»

Сомнения могли терзать его целую вечность. Но уже через несколько мгновений после того, как штурман сумел-таки убедить самого себя в иллюзорности надежд, молния вновь осветила всю полузамкнутую, охваченную двумя почти смыкающимися горными грядами бухту. И то, что открылось Ирвину на сей раз, списать на ночное видение полуодичавшего от одиночества островитянина уже было невозможно: чуть левее выхода в пролив, в идеально укрытой от штормов гавани, действительно стоял огромный корабль! Только теперь Рольфу показалось, что он ошибся: парусник был трехмачтовым. Просто третья мачта предстала искореженной и завалившейся на корму.

«Дьявольщина какая-то... Или же, наоборот, знаменье Божье, – помотал головой штурман. – Буду считать, что знаменье!»

Теперь штурман уже не сомневался, что там, за черным саваном мрака, действительно скрывается корабль. Причем, судя по постройке, это был военный фрегат. Но откуда он здесь, в Бухте Отшельника, взялся?! Каким образом он мог войти сюда? Как при таком шторме экипаж сумел провести судно через пролив?! В любом случае, он, штурман Рольф, почитал бы за честь служить под началом капитана, который решился на этот заход, и иметь в своем распоряжении рулевого, который его осуществил.

Штурман мысленно представил себе невидимую отсюда, даже во время самых ярких вспышек молнии, горловину амфороподобной бухты. Узкую, извилистую, с береговыми уступами и прибрежными скалами... Бот, шлюп, небольшая шхуна – еще куда ни шло. Но трех-

мачтовый военный корабль! Из тех красавцев, которые лишь недавно начали появляться, да и то в основном у испанцев, португальцев да изредка у англичан...

Ему тут же захотелось закричать, объявить о своем существовании, докричаться до тех, кто оставался на борту фрегата, чтобы услышать в ответ... обычный человеческий голос. Всего лишь – человеческий голос. И все же, несмотря на обуревавшие его страсти, Ирвин сдержался.

«Не теряй голову, – вдруг сказал он себе, подчиняясь не эмоциям, а опыту и инстинкту моряка. – Будь осторожен. И вообще, сначала дождись утра. Ты видишь на борту фрегата хоть какой-то огонек? Нет! Ни голосов, ни огонька. Так не кажется ли тебе, галерник, что фрегат этот больше похож на “летучий голландец”, нежели на боевое судно? Поэтому дождись рассвета, выясни, есть ли на судне кто-либо живой, и, если есть, то кто он и как здесь оказался».

Впрочем, выдержки островного отшельника хватило ненадолго. Вновь мысленно нарисовав себе озаренную солнечными лучами горловину бухты, штурман смежил ресницы и, подставив лицо струям теплого ливня, несколько минут стоял так, время от времени нервно посмеиваясь и еще более нервно покачивая головой.

«Нет, галерник, – говорил он себе. – Ты слишком много времени провел на этом безлюдном острове в одиночестве, чтобы однажды ночью вот так, у самой твоей пещеры, появился корабль!.. Хотя за последние два месяца ни одного из них в этом закутке океана, хотя бы далеко на горизонте, не появлялось».

– Даже осененный сатаной «летучий голландец» не может оказаться здесь, пока на этом выступе скалы стоит такой безбожник и бродяга, как ты, – покаянно бормотал Рольф, уже почти успевший уверовать в то, что на остров этот Господь забросил его исключительно за грехи его тяжкие.

Но пока он томился в сомнениях, молния вспыхивала еще несколько раз, и воспаленному взору ошалевшего штурмана вновь и вновь являлся корабль, вместе с которым зарождалось щемящее ощущение того, что вся его островная одиссея, само одиночество его – кончились таким же странным образом, как и начались.

Ирвин даже подумал, что во время очередной вспышки небесного озарения стоит броситься в воду и, поскольку волна здесь небольшая – не сравнить с теми, что обрушивались на остров со стороны открытого океана, – доплыть до корабля прямо сейчас. Правда, днем он видел здесь плавники двух акул. Тоже, кстати, появившихся здесь впервые.

Но ведь в океане всегда рискуешь. Сама жизнь моряка – сплошной судный риск. И если бы этот морской рейд к борту фрегата удался, уже через несколько минут он блаженствовал бы в каюте корабля. В настоящей каюте, а не в той, в которую Рольф тщетно пытался превратить свою пещеру.

О том, чей это корабль: королевский, пиратский; под каким флагом он ходит и чем может завершиться неожиданный визит его, – об этом островитянину думать не хотелось. Хотя и понимал, что следовало бы.

2

Солнце уже склонялось к закату, но затянувшийся на палубе «Адмирала Дрейка» ожесточенный, на истребление, бой все еще продолжался. Он и начинался-то, когда в командах обоих пиратских кораблей было по каких-нибудь пятьдесят человек. Но теперь их вообще оставалось по горсточке. И моряки из многонациональной команды «капера»¹, с самого утра преследовав-

---

¹ Капер – частное судно, команда которого получала особую королевскую грамоту (каперское свидетельство), дающую право захватывать вражеские и пиратские корабли. Нередко каперами становились бывшие пираты, которые переходили на королевскую службу. Таким образом каперство представляло одной из форм борьбы с пиратством и способом охраны королевских владений.

шего «Адмирала Дрейка» и расстреливавшего его из орудий, теперь, уже сражаясь на обеих палубах фрегата, больше думали не о том, как захватить «англичанина», а как бы подстойнее оставить его.

И англичане, и «каперы» видели, как с северо-запада на стянутые абордажными крючьями корабли надвигается огромная, на весь небосвод, черно-фиолетовая стена урагана. И понимали, что охватившая все побережье островка, у которого происходила эта драма, почти штилевая зыбь, на самом деле была лишь суровым предупреждением о том Армагеддоне, который настигнет их уже через несколько минут.

Тем временем исход боя на фрегате решали совсем еще юный моряк Констанций Грей и шкипер-шотландец О'Ноллин. Это они, расправившись со своими противниками, которые уже было прижали их к бортовым орудиям, вырвались на верхнюю палубу и с яростными криками: «С нами Бог! Смерть каперам!» врубались в спины занятых сражением врагов.

Подхватив валявшийся под ногами толстенный брус, гигант-шотландец принялся орудовать им как двуручным мечем. «Ударом косаря» по ногам он валил противника на палубу, а шедший вслед Констанций Грей мгновенно вонзался в него зажатой левой подмышкой абордажным копьем или же разил короткой абордажной саблей.

Получив неожиданное подкрепление, загнанные в надстройки или прижатые к ним моряки «Адмирала Дрейка» вновь воспряли духом и ринулись на врагов, убивая, ранив и отесняя их к борту «Дракона».

– В бой, пираты! Вперед, любимцы смерти! – подбадривал свое поредевшее воинство раненный в плечо капитан «Адмирала Дрейка», которого моряки знали только по кличке Ро Лютый. – Вперед, святители Святого Роджера!

Матросы «Дракона» еще попытались сдержать натиск англичан у левого борта фрегата, чтобы не допустить их на борт своего корабля. Но последовавший примеру О'Ноллина бомбардир Вент тоже сумел вооружиться обломком тяжелого весла и принялся ожесточенно скашивать испанцев за борт. Вдвоем с шотландцем они очищали палубу «Адмирала Дрейка», как старательные косари – свою скудную, политую потом и кровью ниву; и, казалось, уже никакая сила не способна была противостоять им.

Увлечшись, они даже не обратили внимания на то, что юнге Грею пришлось остаться одному против рослого, оголенного по пояс бродяги, с остервенением, безо всяких фехтовальных приемов отмахивающегося от Констанция длинной драгунской саблей. Но самым жутким было то, что из-под парусины сваленной на палубу мачты выполз раненный в плечо «капер» и, приподнявшись, попытался помочь своему собрату. Однако именно он, по существу, и спас Грея.

Увернувшись от клинка, юнга захватил его за рукав куртки у рассеченного плеча, рванул на себя, проскочил под рукой и поначалу несколько мгновений играл с капером-«драгуном» в прятки, возникая то слева, то справа от «рассеченного», а затем, улучив момент, толкнул его прямо под удар драгунского клинка.

Взревев от боли, «рассеченный», уже почти падая, все еще в ярости потянулся своим абордажным кортиком к «драгуну», но и на сей раз Грей опередил его, чтобы, полуприсев, из-под руки «рассеченного», возникнуть перед «драгуном». На мгновение взгляды их встретились, и это были взгляды людей, для которых схватка уже лишена была каких-либо ощущений страха или самосохранения, всего, кроме испепеляющей ненависти.

Живот «драгуна» оказался проткнутым саблей Грея почти в то же мгновение, когда «рассеченный» замертво повалился ему на грудь. Так, оба, они и рухнули на рею бизань-мачты².

Опустившись рядом с ними на бочонок, Грей привалился спиной к остатку мачты и, совершенно обессилев, закрыл глаза. Он уже не видел, как, сраженный пистолетным выстре-

² Кормовая мачта на многомачтовом судне.

лом, упал за борт капитан «Адмирала Дрейка»; как, судорожно ухватившись руками за ванты, повис, истекая кровью, их корабельный кок Самуэль, как один за другим погибали еще несколько его товарищей.

Очнулся юнга лишь тогда, когда от мощного ураганного удара «Дракон» буквально взлетел над «Адмиралом Дрейком». Замерев от ужаса, Констанций проследил, как на несколько секунд огромный корабль, чуть ли не оголив свой киль, завис над фрегатом, да так, что, казалось, вот-вот рухнет на его палубу, чтобы вместе уйти под убийственную девятибалльную волну.

Когда же «капер» вновь опустился, теперь уже в провалье между волнами, палубы обоих кораблей огласились криками ужаса. Несколько пиратов тотчас же оказались между бортами, и уже следующая волна перемолола их там, как в огромных кошмарных жерновах.

Одни соперники все еще упорно сражались, другие, более благоразумные, забыв о вражде, упорно рубили абордажные канаты, стараясь как можно скорее рассоединить корабли, чтобы не дать погибнуть их обоим. А когда это наконец удалось, остатки экипажа фрегата дружно расправились с появившимися с нижней палубы тремя легко ранеными матросами «Дракона», которые поднимались оттуда в ореоле «истребителей бомбардиров», и были уверены, что наверху их собраты уже празднуют победу.

Двоих пираты сбросили за борт, третьего, упорно сопротивлявшегося, сумели повалить и взять в плен. К мачте его привязывали уже тогда, когда с разных концов огромного фрегата стали доноситься крики: «Корабль дал течь! Две пробоины! Поднимать паруса! Идем к островку, иначе все погибнем!»

Преодолевая порывы штормового ветра, растерзанный «Дракон» стал уходить в сторону островка, у берегов которого, на виду у любопытствующих воинов-аборигенов, происходила вся эта пиратская трагедия. На «Адмирале Дрейке» тоже сумели поднять два паруса и направить фрегат в сторону Острова Привидений.

Как они поступят дальше, никто не знал, да и старался не думать об этом: может, удастся выбросить корабль на мель; может, повезет, и их шлюпки да спасательные плоты перенесут заблудшие души на твердь земную. Сейчас они молили Господа только об одном: чтобы тот как можно поближе подпустил их к этому островку.

Две пробоины в борту уже заставляли корабль крениться и наполняться водой, а посему в их распоряжении оставались считанные минуты. Однако спускать шлюпки прямо сейчас никто не решался. То, что творилось вокруг, напоминало сущий ад, заставлявший вздрагивать даже таких бывалых моряков, как Вент или Рыжий Горбун. Что уж говорить о Констанции Грее!

Не успели они преодолеть и половины пролива, как на океан снизошла кромешная тьма, и теперь пираты одновременно погружались в две бездны: ночи и океана.

3

Еще несколько минут ливневого дождя прошло в мучительном желании Ирвина вновь дожидаться вспышки молнии. Когда же она – величественная, на полнеба – озарила Бухту Отшельника и прибрежную часть острова своим жертвенным огненно-голубым сиянием, штурман вновь, теперь уже совершенно отчетливо, увидел, как на фоне огромной отвесной скалы вырисовываются очертания большого корабля, одна мачта которого и в самом деле завадилась, а две другие восставали над черным овалом фрегата, как огромные кресты – над полуразверзшимися могилами.

Почти полгода Ирвин Рольф провел на этом острове в полном одиночестве, и этого было достаточно, чтобы научиться разговаривать с самим собой, как с навязчивым, порядком поднадоевшим, но неминуемым спутником, к которому, однако, штурман привык относиться со

всем мыслимым благоразумием. С таким же благоразумием отнесся он теперь и к объяснению того, что открылось ему в бухте.

– Теперь ты, галерник, наконец убедился, что на бредовое видение посудину эту не спишешь. Она существует точно так же, как существуешь ты.

Несколько последующих вспышек молнии не только окончательно утвердили Ирвина Рольфа в мысли, что «летучие голландцы» и прочие видения здесь ни при чем, но и зародили подозрение, что корабль-то действительно без экипажа. Может, это и не древний полумифический «голландец», но экипаж почему-то покинул его.

Отсюда, с высоты площадки, на которую выводил один из двух выходов его пещеры, корабль казался очень внушительным, каким он и был на самом деле. Тем не менее, бывший лейтенант английского военного флота не сомневался, что шторм занес в бухту трехмачтовый фрегат, на котором, очевидно, не менее сорока орудий и команда которого могла состоять как минимум из двухсот человек.

Даже при спокойном океане заводить такой корабль в узкую, усеянную подводными рифами горловину бухты капитан, конечно же, не рискнул бы. Но северный ветер поднял уровень прибрежных вод, и корабль-«призрак» каким-то чудом пронесло между двумя скалами, вершины которых при незначительном волнении океана обозначались пенистыми водоворотами.

Если этот полупогибельный проход произведен по воле капитана, то человек, стоявший у руля, несомненно, должен прослыть не только выдающимся мастером своего дела, но и отчаянным фаталистом. Если же фрегат забросило в бухту уже неуправляемым, то это следует воспринимать то ли как знак высшего покровительства богов, то ли как хмельную шутку загулявшего океана, ураганный шторм на котором не утихал вот уже более суток.

«В любом случае этот скиталец морей обречен, – молвил про себя Ирвин. – “Скиталец морей”... – понравилось собственное определение. – Если когда-либо под твоим командованием окажется хоть какой-нибудь шлюп, назовешь его именно так: “Скиталец морей”. Но, очевидно, им станет не тот корабль, что оказался сейчас в бухте. Этот наверняка дожидается своего рокового часа с распоротым бортом или брюхом, и вот-вот затонет. Как в свое время затонул твой “Король Ричард”».

4

В последний раз взглянув на освещенный небесными громами корабль, Ирвин поежился под шквалом возродившегося ливня и неохотно вернулся в пещеру, старательно занавесив вход полуистлевшей, почерневшей от времени и стихий парусиной.

Первая «каюта» ее уже была наполнена влагой и океанской прохладой, зато вторая, тоже отгороженная пологом, показалась настоящим раем. Здесь, в возведенном Рольфом камине, еще тлел огонь, дым от которого уходил в специально расширенное отверстие-трещину, а ложе, устроенное на возвышенности и вымощенное сухой травой и шкурами, казалось королевским. Вдобавок ко всему, обрывки канатов штурвал, древняя рында да целый набор найденных на берегу амфор и впрямь создавали некую иллюзию то ли корабля, то ли хижины ссыльного моряка, для которого всякий предмет, напоминающий о паруснике или побывавший на нем, считался священным.

В островных владениях его была еще и хижина, которую Рольф возвел на горном плато, метрах в пятистах отсюда. Но однажды неподалеку от бухты причалило несколько пирог, и туземцы принялись прочесывать остров в поисках человека, разводившего замеченные ими с моря костры. Вот тогда-то лейтенант благоразумно перебрался сюда, в эту пещеру, обнаруженную им лишь благодаря трещине в скале. После того, как барон фон Рольф старательно заложил камнями и замаскировал эту трещину, войти в нее можно было только со стороны бухты.

Но для этого следовало то ли подняться по почти отвесной приморской скале, то ли спуститься с вершины хребта по узкому карнизу. Туземцы хижину не тронули, зато почти двое суток подстерегали ее обитателя у подножия плато и протекающего неподалеку пресного ручейка.

Вряд ли они поверили, что объявившийся по соседству с ними чужеземец навсегда исчез из острова, а значит, вскоре могут появиться еще раз. Вот почему наполненные пресной водой кувшины, запасы провизии и свое оружие Рольф хранил здесь, в «штурманской каюте», в своей горной цитадели. Сюда же он спускался, когда начинались ливни, – а сейчас в этих краях, похоже, в самом разгаре был сезон «зимних» дождей.

Отгремел мощный раскат, и за стенами горной цитадели вновь воцарилась тягостная тишина. Гром, ливень, вой ветра, грохот прибоя – все как-то сразу затихло, однако штурман продолжал сидеть в кресле-колоде, мерно покачиваясь перед огнем, словно творил молитву или заклинание.

Несколько раз он настороженно замирал, прислушиваясь к тому, что происходит за двумя полами его «храма», но всякий раз гасил в себе желание подняться и опять выйти на площадку. И не только потому, что понимал: во мраке ночи, без света небесных кресал, он вряд ли сумеет разглядеть очертания корабля. Его вдруг обуял предрассудный страх: если он выйдет сейчас, немедленно, не дождавшись, как решил ранее, утра, его парусник окажется всего лишь океанским миражом. И тогда вновь рухнут все его мечты, все надежды на освобождение из островного плена.

– Не торопись, дождись утра, – вслух убеждал себя Ирвин, полусонно глядя на едва освещенный угасающим пламенем полог. – Если корабль действительно вошел в бухту, значит, утром ты его обязательно увидишь. Коль суждено ему было оставаться на плаву до утра – значит, именно до утра он и продержится. Главное, что это не было видением: очертания борта, покачивающиеся мачты...

«Если корабль в самом деле окажется в бухте, можешь считать, что небо простило тебе все твои прегрешения, – размышлял он, смежив веки и раскачиваясь из стороны в сторону, словно уже находился на палубе фрегата. – Такой подарок оно способно преподнести либо великим праведникам, либо великим грешникам. На праведника ты, пусть даже и несостоявшийся пират, явно не тянешь. Но и, находясь среди тех, настоящих морских волков-грешников, тоже больше смахивал на непорочного юнгу».

Еще через полчаса Ирвин отклонил полог «прихожей» и всмотрелся в черноту ночи. Шторм окончательно утих. Листья нависавшей над пещерой и как бы прикрывавшей ее от посторонних глаз пальмы роняли последние капли давно прекратившегося дождя. Где-то далеко на небосводе зарождалось пока еще едва заметное зарево: то ли рассвета, то ли запоздалой луны.

Мужества подойти к краю площадки и взглянуть туда, где должен был находиться корабль, у штурмана уже не хватило. Хотя он несколько раз порывался сделать это.

– На рассвете, – суеверно остановил он себя. – Теперь главное – дожждаться рассвета.

5

Проснулся он, когда солнце уже поднялось над скалистой косой, отделяющей бухту от океана, и лучи его озарили штилевую гладь теплой небесной лазурью.

Где-то далеко, на северо-востоке, горизонт все еще оставался подернутым черно-багровым занавесом отступающего грозового ливня, однако над островом уже воцарилась райская благодать тепла и безветрия.

Лишь осмотрев покрытую редкой растительностью скалистую часть острова и две холмистые косы, так и не сумевшие дотянуться друг до друга за амфорой бухты, Рольф вдруг вспомнил о ночном корабле. Он вспомнил о нем, как вспоминают об удивительно правдивом,

убедительном сне, просыпаясь после которого, очень хочется, чтобы все увиденное воплотилось в чудную явь.

Метнувшись к краю обрыва, Рольф взглянул туда, где – он точно помнил – стоял вчера корабль, но взгляд его скользнул по серовато-бурой поверхности прибрежного склона, по двум похожим на верблюжьи горбы холмам, по проливу, в левой части которого даже сейчас, почти в полный штиль, пенились подводными скалами огромные буруны.

Возможно, штурман так и решил бы, что фрегат – всего лишь ночное видение, если бы не крестовидная тень на водной глади. А такую тень могла оставить только мачта.

Быстро взобравшись на уступ, венчавший западный край площадки, лейтенант протиснулся между склоном и когда-то давно свалившимся сюда осколком скалы, и замер: корабль стоял прямо под ним, уткнувшись носом в полуоголенную отливом песчаную отмель. Штормовой дрейф и отлив определили то место стоянки корабля, которое может оказаться для него вечным.

Фрегат стоял, слегка накренившись на левый борт, и выглядел так, словно бросил якорь в уютной гавани. Получше присмотревшись, Рольф обратил внимание, что корма его едва заметно покачивается, а значит, все еще пребывает на плаву.

– Эй, на корабле, есть там кто-нибудь?! – крикнул штурман, так и не обнаружив на фрегате флага, указывающего на государственную принадлежность.

Судя по характеру постройки, можно было предположить, что сотворяли его на одной из испанских верфей как военно-торговый, хорошо вооруженный корабль. Появление здесь «испанца» сразу же уменьшило радость лейтенанта английского военного флота, хотя он и понимал, что «испанская» постройка судна еще ни о чем не говорит. Нередко команды кораблей отрекались от одного флага, чтобы перейти под другой, который, увы, нередко оказывался пиратским.

С минуту выждав, Рольф повторил свой вопрос, но и на сей раз ответом ему было кладбищенское молчание.

«И все же на “летучего голландца” он не похож! – заключил штурман, еще раз внимательно осмотрев фрегат. – Слишком нов и ухожен». Другое дело – эти пробоины в верхней части левого борта, следы пожара на приподнятой корме, которой фрегат был развернут к Рольфу, а еще – изорванные в клочья паруса и все прочее, свидетельствовавшее о том, что в шторм судно попало уже после боя, основательно потрепанным, с расщепленной снарядом мачтой.

Что-то подсказывало штурману, что не все скитальцы морей покинули эту посудину, а значит, надо выяснить, почему молчат и кто такие. Вдруг там еще остались моряки, с которыми можно будет выйти в море.

Вернувшись в пещеру, Рольф забросил за плечи лук и колчан с пятью самодельными, как и все прочее, стрелами, зарядил и сунул за ремень пистолет, а на бок приладил деревянные ножны с саблей. Он еще хотел было взять и ружье, но к нему не осталось ни одного заряда. Поэтому вместо него Ирвин сунул за ремень два прекрасных метательных ножа, сработанных некими арабскими мастерами. Брошенный пиратом, один из этих ножей когда-то вонзился в надстройку корабля в пяти дюймах от щеки барона. Зато второй он добыл сам, вовремя подстрелив упражнявшегося в метании по нему пирата.

Переметнувшись с помощью привязанного к ветке каната на уступ соседней горы, Ирвин довольно быстро перебрался на лесистый склон ее и, перебегая от дерева к дереву, стал приближаться к кораблю. Вскоре он оказался в такой близости от него, что, притаившись за небольшим замшелым валуном, сумел прочесть: «Адмирал Дрейк».

Именем этого адмирал-пирата англичане, конечно же, могли назвать только военный корабль. Однако во время своих блужданий по морям Рольф такого названия не встречал. К

тому же на борту «Адмирала Дрейка» было не два ряда орудий, как положено на военном фрегате, а лишь по одному, то есть как на торговом или каперском судне.

Борт корабля находился в каких-нибудь двадцати кабельтовых от кромки берега. И все же спускаться к воде Рольф не спешил. Здесь, на возвышенности, он оставался как бы на уровне палубы, но за естественной защитой, недосыгаем для тех, кто мог оказаться в каютах фрегата.

– Так это что, корабль мертвецов?! – не удержался штурман, подбадривая самого себя на решительную вылазку.

– Если он – корабль мертвецов, якорь тебе под виселицу, – вдруг послышалось в ответ мощное, утробное рычание, – то перед тобой один из них! Поднимись и поздоровайся!

Нет, такой громоподобный бас почудиться не может, в этом штурман не сомневался. Иное дело – кому, какому бродяге он принадлежит.

Рольф внимательно осмотрел палубу. Владелец густого, хриплого баса пребывал где-то на палубе или в надстройке, но, как ни напрягался штурман, обнаружить его так и не смог.

– Под парусиной я! – подсказал ему моряк. – Привязанный к остаткам поваленной мачты!

Рольф хотел было поинтересоваться, кто и почему привязал его, но вовремя убедил себя, что задавать сейчас какие-либо вопросы неуместно. Разглядеть же этого скитальца морей он тоже не мог: остатки мачты действительно покрывались растрепанным холстом посеревшей от времени и стихий парусины.

– Получается, что на корабле ты один?! – все же поинтересовался штурман, уже спускаясь к прибою и прикидывая, как поудобнее взбираться на борт «Адмирала».

– Если только эти драконы, якорь им под виселицу, увезли с собой всех раненых.

Плот, который Рольф строил в небольшой заводи неподалеку от пролива, был еще не завершен, однако его вполне хватило, чтобы пройти между бортом и берегом и причалить к баку «Адмирала Дрейка». Возбравшись на палубу, штурман обнажил саблю и, осторожно осматриваясь, приблизился к огрызку мачты.

Привязанный к нему моряк оказался могучим детиной. Огромный рост и густые заросли на голове, груди и оголенных плечах делали его похожим на косматое чудовище. Рольф и сам был под два метра роста, да и плечи напоминали увесистые булыжники, но рядом с этим гигантом он почувствовал себя как-то слишком уж неуютно и незащищено.

– Ты англичанин?

– Фриз³, якорь тебе под виселицу. Но пребываю на службе у английской короны. Что, не устраивает? Признаешь только англосаксов, всех остальных презираешь?

– Привязали тебя, судя по всему, недавно. – Освободить пленника штурман не спешил. Хотелось присмотреться к этому человеку, понять, что он собой представляет, чего стоит и чего можно ожидать от него.

– Вчера, – нервно повел плечами гигант, пытаясь избавиться от каната.

– За излишнюю словоохотливость?

– За то же, за что высадили здесь, на Острове Привидений, тебя.

– Так это и есть Остров Привидений?! – тотчас же сменил тон Ирвин Рольф. – Именно так я как штурман и предполагал, но...

– Ты что ж это, даже не знал, где тебя высадили? – оскалился моряк. – И это я слышу от человека, именующего себя штурманом?!

Фриз совершенно не был похож на человека, который еще полчаса назад чувствовал себя обреченным. Этот моряк вел себя настолько самоуверенно и непринужденно, словно это не он, а невесть откуда явившийся англичанин, привязан сейчас к мачте, а ему лишь выпало решать судьбу пленника.

---

³ Фризы – известное с древних времен германское племя, потомки которого по сей день живут на Западно-Фризских и Восточно-Фризских островах, а также на северо-западном побережье континентальной Германии.

– Да, парень, это Остров Привидений. Наверняка тебе приходилось встречать здесь скелеты наших братьев. Некоторые из них появляются и тенями привидений.

– Скелетов – да, здесь хватает, – согласился Рольф. – А вот с привидениями пообщаться не пришлось.

– Не посчастливилось, значит, привидениям. Когда-то здесь высадилась целая команда потерпевшего крушение торгового корабля, человек пятьдесят. И тогда туземцы прибывали сюда с соседних островов, словно на охоту. Пока не повыловили и не сожрали всех, кроме одного, чудом уцелевшего, который ушел на плотике в океан и был подобран каким-то морским бродягой. Замечу, что тогда остров все еще принадлежал к испанским владениям. Мне приходилось бывать здесь. В западной части еще сохранились остатки их деревушки и форта.

– И даже форта? – удивился Рольф. – Почему-то не обнаружил...

– Испанцы соорудили его на мысу, в южной части острова, между двумя каменистыми грядами. И камни под рукой, и сам форт как бы прикрыт и защищен и со стороны океана, и со стороны острова.

– Но теперь-то он принадлежит британской короне?

– И пусть только кто-либо осмелится усомниться в этом! Так что мы с тобой, висельник, оба на своей территории.

– Туземцам, правда, совершенно безразлично, кого пожирать, – обронил Рольф, вспомнив о том, какую охоту устроили в свое время эти аборигены на него, – но все же ощущение того, что ты на своей земле...

– Тогда что ты стоишь и смотришь на меня, как на обнаженную королеву Викторию? Может, все-таки окажешь любезность: перережешь эти чертовы веревки, якорь тебе под виселицу?!

Ирвин намотал на пальцы густую бороду моряка, подтянул вверх его подбородок и, подперев горло лезвием ножа, назидательно проговорил:

– Я – лейтенант флота его королевского величества. Корабль «Король Ричард», на котором я был штурманом, погиб в бою с французами. И ты, пират, будешь относиться ко мне так, как и должно относиться к лейтенанту флота его величества. Иначе я лично вздерну тебя на рее. Ты понял меня?

– А меня зовут Гуннар, – прохрипел детина, когда Ирвин слегка ослабил натиск лезвия и он смог двигать челюстями. – Гуннар Гольд. А еще в приличном морском братстве меня величали просто – боцманом Гунном.

– Гунн, говоришь? Удачное сравнение.

– Наконец-то оценил, якорь тебе под виселицу. Что тянешь? Разрезай веревки!

– Ты так и не сознался, что пиратствовал.

– Нам обоим будет лучше, если ты не услышишь моих признаний, лейтенант. И совесть у тебя будет почище. Разве я не прав, якорь тебе под виселицу?!

Смилостивившись, Ирвин уже поддел одну из веревок ножом, но в последнее мгновение задержал руку.

– Нет, лучше еще с полчаса постоишь на привязи. Так мне спокойнее будет осматривать корабль.

– Если бы я стал укорять тебя, то оскорбил бы.

– Почему вдруг – «оскорбил»?

– Потому что только что ты доказал: передо мной опытный моряк, – признал его правоту Гунн. – На твоём месте, попав на неизвестный корабль, я тоже не стал бы торопиться. Только не слишком долго разгуливай, стоять чертовски неудобно.

6

Ни одного тела на палубе лейтенант так и не обнаружил: очевидно, их предали океану то ли те, кто покидал «Адмирала Дрейка», то ли сами волны. Зато руки одного из пиратов свисали с «вороньего гнезда» мачты, где он, по всей вероятности, тоже оставался привязанным. Еще одного страдальца Ирвин обнаружил у двери капитанской каюты. Из-под рубахи его выбился массивный золотой крест, который для такого оборванца, каковым предстал перед Рольфом этот корсар, мог стать целым состоянием. Поскольку висел он у пирата на обычной бечевке, никому, очевидно, и в голову не приходило, что под рубахой у него таится такая роскошь.

Решив, что крест – такая же добыча, как и все остальное, что может достаться ему на этом корабле, Ирвин разрезал бечевку, сунул драгоценность в карман и вошел в незапертую каюту.

На удивление, там все осталось так, словно хозяин ее все еще пребывал на корабле: никаких следов поспешного бегства или разграбления. В шкафчике над кроватью штурман обнаружил то, что ему сейчас больше всего хотелось найти: запасной пистолет капитана, несколько зарядов к нему, а также старинную, с позеленевшим корпусом подзорную трубу.

Уже давно Рольф не чувствовал себя таким счастливым, как сегодня. Корабль, несомненно, был ниспослан ему Господом в плату за одиночество и все те бедствия, которые пришлось пережить сначала при гибели «Короля Ричарда», а затем уже здесь, на острове.

Бегло осмотрев все остальные надстройки, каюты и подсобные помещения, штурман вернулся к Гунну.

– И сколько же тел на корабле? – деловито поинтересовался тот.

– Обнаружил пока что только три.

– Приблизительно так оно и должно быть. Последние десять-двенадцать человек ушли к берегу на двух вельботах. Один из них опрокинулся на волне-убийце неподалеку от корабля, и пираты тонули на моих глазах. Но второй скрылся в тумане. И не исключено, что спасшиеся на нем достигли острова и бродят сейчас по побережью в поисках остатков «Адмирала Дрейка».

– Так ты не из экипажа этого корабля?

– Я – боцман каперского судна «Дракон», охотившегося неподалеку, в водах Ямайки. Мы дважды пытались взять «Адмирала» на abordаж, но всякий раз пираты отбивали наши атаки. То ли потому, что их оказалось на борту слишком много, то ли потому, что наша команда была набрана из берегового сброда.

– Значит, ты все-таки не пират, а моряк, состоящий на королевской службе?

– «Каперами» обычно становятся бывшие, помилованные королевским судом, пираты, – напомнил ему Гунн.

– Но прощенные и помилованные. Почему сразу же не сказал об этом?

– А ты разве поверил бы мне, лейтенант? Ты и сейчас не очень-то веришь.

– Иначе ты не признал бы во мне опытного моряка, – сдержанно улыбнулся лейтенант. – Но ты, галерник, не отвлекайся, выкладывай, что происходило дальше.

– Длинным мой рассказ не будет. На третий abordаж бросились сами пираты. Уже после расстрельной канонирской дуэли. Как ни странно, на сей раз мы потеснили их и даже перешли на палубу «Дрейка», но теперь нас действительно было слишком мало. Двое моих товарищей сдались здесь, на палубе, но их тотчас же сбросили в море. Я же прорвался к вон той надстройке и отбивался в ней до тех пор, пока их предводитель не объявил, что, ценя мою храбрость, сохраняет мне жизнь. К тому времени у меня уже появилось три легкие раны, и силы мои были на исходе.

– Как же корабль оказался здесь, в бухте?

– Этого нам с тобой понять не дано. Судя по всему, я уже должен пребывать в аду. Но выходит, что сначала суждено познать рай.

Рольф вновь прошелся взглядом по могучему телу Гунна и, ни слова не говоря, несколькими ударами ножа избавил его от веревок.

– Так, значит, ты – фриз?

– Так оно и есть на самом деле. Разве это не видно по моему произношению?

– А я – нормандец. По отцу. Мать англичанка. Лейтенант. Штурман. Барон фон Рольф, – довольно сурово представился Ирвин, давая понять, что готов воспринять Гунна лишь в качестве подчиненного.

– Вы – барон фон Рольф?!

– Родового герба и королевской грамоты у меня при себе нет, уж извините, сэр.

– Да не в родовом гербе дело. Просто я знал капитана Рольфа, который командовал когда-то фрегатом «Виктория», флагманским кораблем королевского флота. И тоже барона.

– Все верно! Фрегат «Виктория», флагман...

– И что из этого следует?

– Только то, что капитаном «Виктории» был мой отец, Генрих Рольф! – восхищенно подтвердил его познания островитянин.

– Но мне известно, что он погиб... В бою под Дюнкерком, где... – Гунн прервал фразу и вопросительно взглянул на лейтенанта.

Тот понял, что ответ его станет веским аргументом для боцмана Гунна в пользу того, действительно ли он является сыном известного английского капитана, а точнее – командора Рольфа.

– Он не погиб тогда, Гунн, а был всего лишь тяжело ранен. Это произошло в бою с «голландцем», в нескольких милях от Дюнкерка. Через два месяца, так и не оправившись после ранения, капитан Рольф вновь взойшел на корабль, однако умер от кровоизлияния прежде, чем фрегат вышел из Бостона.

– Кажется, ты действительно сын самого капитана Рольфа, якорь тебе под виселицу! – возбужденно прохрипел Гунн. – Но из этого еще не следует, что и из тебя тоже получится... капитан Рольф. Не скажу, чтобы я близко знал твоего отца. Но мне дважды пришлось отбиваться от его парней, когда они пытались громить нашу пиратскую эскадру.

– Какое джентльменское знакомство!

– К тому же знаю, что он охотно зачислял в свою команду бывших пиратов, добиваясь для них амнистий, – проигнорировал Гунн его ухмылку. – Твой отец явно был не из тех капитанов, которые всякого скитальца морей тащили на виселицу. И за это его уважали по обе стороны Ла-Манша. А теперь извини, барон: сам чувствую, что от меня разит, как от давно недраенного гальюна. Но ведь не ты, а я почти сутки простоял привязанным к мачте. Пойду приведу себя в порядок.

Пока он, сошвыривая с ног куски веревок, медленно, вальяжно проходил мимо Ирвина Рольфа, тот внимательно и настороженно следил за каждым его движением.

– Да перестань опасаться меня, барон. Я в любом случае не тронул бы тебя. Ты ведь меня спас. А уж сына командора Рольфа! Который однажды, в молодости, тоже спас меня от виселицы... Лучше осмотри корабль. Два якоря мне под виселицу, что где-то там, в трюмах, есть бочонки с серебром-золотом.

– На борту есть сокровища?!

– Еще какие! Но сначала нам с тобой следует прочесать ближайшее побережье и подготовить нашего «Дрейка» к обороне.

«Нашего “Дрейка”...», – иронично прищурился вслед ему Рольф. И хотя вслух он этого не сказал, прежде чем прыгнуть в воду, чтобы искупаться, Гунн задержался на корме.

– Да, нашего. По законам моря, корабль, оставленный командой, принадлежит тому, кому первому он достанется. Разве не так?

– То есть тебе?!

Плюхнувшись в воду, как сельдевый бочонок, Гунн блаженно вскрикнул и, ощущая на своем теле океанскую прохладу, обогнул корабль так, чтобы оказаться на мелководье между «Адмиралом» и берегом. Только тогда лейтенант вновь услышал его глухой, словно бы их подземелья доносящийся, голос:

– Нет, лейтенант, перед Богом и морем нужно оставаться справедливым.

– И в чем же заключается твоя «справедливость»?

– Только в том, что к экипажу «Адмирала Дрейка» я никогда не принадлежал и достался тебе на борту в виде полуказненного пленника. Так что, по законам моря, судно принадлежит вам, капитан Рольф.

– Вот теперь я вижу перед собой истинного моряка королевского флота.

– То, что я – висельник, знает все побережье Атлантики. Но законы моря, якорь мне под виселицу, я всегда чтил свято.

– Это тебе еще придется доказать, – недоверчиво хмыкнул Рольф, вновь отправляясь на осмотр своего неожиданного трофея – теперь уже носовой части и трюма. – Но обычаи моря именно таковы, каковыми ты их трактуешь.

– Как прекрасно мы поняли друг друга, капитан! – блаженственно погрузился в теплые прибрежные воды Гунн. А, вынырнув, прокричал: – Но мы еще доверительнее станем понимать друг друга, когда вы станете обращаться ко мне «боцман Гунн»!

– Возможно, так я и стану обращаться к вам отныне, скиталец Гунн! – не спешил окончательно развеивать его сомнения капитан Рольф. – Но в любом случае, не задерживайтесь с возвращением на борт «Адмирала Дрейка»!

7

Еще раз внимательно осмотрев судно, Рольф был приятно удивлен. Первое, что его поразило: все подсобные помещения фрегата были забиты оружием, порохом, а также всевозможными съестными припасами. Не говоря уже о бочонках с серебром, золотом и прочими драгоценностями.

Уже сам характер груза свидетельствовал, что пираты успели ограбить несколько кораблей, с каждого из которых забирали лишь самое ценное, самое необходимое. Золото и серебро они, очевидно, добыли, захватив какой-то испанский галеон, переправлявший драгоценности в метрополию из испанских колоний Вест-Индии; оружие – на корабле, направлявшемся для усиления одного из гарнизонов этих же колоний...

Что же касается кают офицеров и даже матросского кубрика, то все они были обставлены драгоценными изделиями и картинами лучших мастеров Старого Света, которые наверняка предназначались правителям колоний.

Не менее удивило Рольфа и то, что фрегат имел всего лишь одно серьезное – но не губительное – повреждение. Второе опасений не вызывало. Шесть опытных матросов могли привести его в полный порядок в течение каких-нибудь двух дней. Вопрос лишь в том, где их взять, этих шестерых опытных матросов?

– Так все же, почему команда оставила корабль? – спросил Рольф, вновь появляясь на ярко освещенной солнцем палубе. Теперь на нем висело два пояса с двумя пистолетами на каждом, а грудь опоясывала розовая перевязь, удерживавшая короткую офицерскую шпагу.

– Потому что корабль несло прямо на рифы, а моряков оставалось слишком мало. К тому же на подходе был еще один каперский корабль, – боцман завершил свое купание и теперь, стоя в устье небольшого ручейка совершенно нагим, обмывал пресной водой разбереденные океанской солью раны.

– То есть рядом оказался еще один корабль?!

– В том-то и дело, барон. Правда, он всего лишь прикрывался «каперством», чтобы пиратствовать с благословения короля Испании.

– И куда же он девался?

– Будем надеяться, что затонул или ушел в океан. Да только вряд ли. Скорее всего, притаился в бухте одного из ближайших островов, чтобы привести в порядок парусное вооружение и уже завтра, или, в крайнем случае, послезавтра появиться у Острова Привидений.

– То, что вы только что сообщили, Гунн, – бесценно. С этой минуты мы должны быть начеку и готовить судно к отражению атаки.

– Несмотря на то, что нас всего лишь двое, капитан, – поддержал его Гунн.

– В крайнем случае, отступим в мою пещеру, предварительно пополнив ее оружием.

– В пещеру? Она недалеко и хорошо замаскирована? Тогда давайте перенесем часть сокровищ туда. На капере-пирате наверняка знают, что на «Дрейке» много драгоценностей. И им небезразлично, кто всем этим добром завладеет. Мы ведь с вами теперь сказочно богаты, разве не так, барон?

– В это трудно поверить, но... вы правы, Гунн.

Из глубины острова донеслись какие-то голоса, и оба моряка замерли, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину. Когда крики повторились, стало ясно, что это затеяли ссору самцы орангутангов.

– В отличие от вас, капитан, я еще не осматривал трюмы судна, но уверен: там есть все, что необходимо, чтобы мы безбедственно могли прожить как минимум месяца три плавания, а затем, вернувшись в Старый Свет, объявить себя владельцами двух старинных замков. – Произнося это, Гунн стоял спиной к Рольфу, демонстрируя совершеннейшее безразличие к его действиям и своей судьбе.

«А ведь пожелай я избавиться от него, это не составило бы никакого труда, – прикинул Рольф, нервно подвешивая кортик, который до этого держал в руках, сзади, к ремню, как это делали английские лучники. – Но, может быть, сей детина – и есть тот лучший из рода человеческого, кого Господь способен был послать тебе на этом корабле да на этот остров? Так что стоит рискнуть...»

– Кстати, на судне есть запасы солдатского обмундирования. Пойдите переоденьтесь, боцман, – перешел Рольф на сухой официальный тон.

– То-то я заметил, что часть команды щеголяет в мундирах французских пехотинцев, – лениво отозвался Гунн. – Но приказ есть приказ. – Вам, капитан, будет проще, – повернул он голову в сторону Рольфа. – Но сподобил бы Господь портного пошить хоть что-нибудь пригодное для этих бранных телес, якорь мне под виселицу.

Поднявшись на борт, он с помощью Ирвина перевязал свои подзатянувшиеся раны, и затем оба принялись осматривать мундиры. Рубахи подобрали довольно быстро, со штанами было сложнее, особенно Гунну; но вскоре управились и с ними.

– Если есть корабль, должен быть и капитан, якорь мне под виселицу. Поэтому принимайте командование, капитан. Это я уже говорю устами члена команды, признавая вас капитаном этого фрегата. И пусть только кто-нибудь когда-нибудь посмеет оспорить ваше право командовать «Адмиралом Дрейком»! Только что вы были избраны командой корабля. Это факт, традиция соблюдена.

Суровые взгляды двух моряков встретились, словно скрестились, но ни тот, ни другой глаз не отвел. И тогда Гунн протянул руку через стоявший посреди корабельного пакгауза стол, чтобы поздравить «избранного командой» капитана.

– Как вы правильно заметили, мистер Гольд, на всяком уважающем себя корабле должен быть уважаемый командой боцман. Как избранный командой капитан боцманом «Адмирала Дрейка» я назначаю вас. Как вы относитесь к этому назначению?

– Не обиделся бы, если бы мне была предоставлена честь начинать у вас матросом, капитан Рольф. Однако считаю, что, назначив меня боцманом, вы поступили благоразумно.

– Особенно, если учесть, что особого выбора у меня не было, – иронично заметил Рольф.

– Я имел в виду, что если бы даже у вас появился больший выбор, благоразумнее было бы назначить боцманом именно меня. В чем вы убедитесь сразу же, как только у нас появится команда.

8

Они выпили по небольшой – «обеденной», как ее называли на кораблях, – рюмочке рома, закусили ветчиной и снова выпили. Откинувшись на спинку кресла, Рольф самодовольно потянулся и восхищенно, словно видел ее впервые, осмотрел каюту.

Сегодня у него и в самом деле небывало счастливый, почти невероятный по своей удачливости, день. Вот уже более пяти месяцев нога его не ступала на палубу корабля. Более пяти месяцев он провел отшельником на небольшом гористом островке, который, опасаясь рифов, корабли обычно обходили стороной и на котором его ждали два естественных исхода: то ли полное одичание, то ли ритуальное поедание туземцами с соседних островов. И вот сейчас судьба неожиданно послала ему корабль, еды и оружия в достатке – и такое богатство, которого хватит на всю дальнейшую жизнь. Теперь все зависело от того, как он сумеет распорядиться и кораблем, и богатством, и самой жизнью.

– А ведь и впрямь прекрасно сработанный, совершенно новый корабль. Сорок орудий, великолепные надстройки, мощные трюмы.

– Не корабль, а плавающий форт, – согласился Гунн со всем высказанным и невысказанным капитаном вслух. – Но опасаясь, что свое право на «Адмирала Дрейка» нам все же придется отстаивать, причем прямо здесь, в этой бухте.

– Неминуемо. Рано или поздно кто-то из уже высадившихся здесь пиратов обнаружит его.

– Ну, с этими, «островными», справиться мы еще можем. Я осмотрел окрестности. Настоящая береговая цитадель, которую, надеюсь, вы уже основательно обследовали.

– Еще бы! Времени было предостаточно.

– Обнаружив при этом все имеющиеся здесь пещеры, гроты и прочие тайные укрытия?

– Одно из которых спасло мне жизнь во время нашествия туземцев.

– Поэтому, если один из нас возьмет под защиту корабль, а второй устроит засаду в скалах, их перевес в людях вскоре окажется призрачным.

– Тем более что к тому времени остатки их патронов уйдут на охоту. Иное дело – угроза с моря.

– Как я уже сказал, кораблей было два. Тот, уцелевший, – всего лишь небольшой шлюп, слишком беспомощный, чтобы справиться с пиратским сорокапушечником. Подробности боя вы знаете... А потом неожиданно нагрянул сатанинский шторм, во время которого стихия расправлялась и с висельниками, и с праведниками, если только в этих морях таковые существуют. Так что готовыми мы должны быть ко всему.

– Значит, второй корабль – вспомогательный шлюп?

– Точно, капитан.

– Мне приходится высеивать из вас сведения, как песчинки золота – из мутного горного потока, – проворчал барон фон Рольф.

– Но кто дал бы вам более обстоятельные, господин барон?

– Ладно, для начала нам следует еще раз, теперь уже пристально, осмотреть, в каком состоянии наш «Адмирал». И долго ли он способен продержаться на плаву. Не скрою, первые впечатления обнадеживают.

– Скромная оценка, сэр.

После тщательного осмотра, при свете факелов, они обнаружили еще одну, третью пробоину, которая тоже находилась выше уровня воды. Одну из них – ту, что была со стороны океана, – моряки тотчас же заделали и тщательно законопатили. Теми, что со стороны берега, решили заняться чуть позже и более основательно. А пока что срубили два дерева, высокие пни которых использовали в качестве причальных тумб. Закрепив на них причальные концы, они избавили себя от неприятностей, которые могли возникнуть во время отлива. Впрочем, канаты обвисали так, что вполне позволяли отвести корабль на глубину и там заякорить. Что Гунн и Рольф вскоре и сделали.

Лишь заделав вторую пробоину, работа над которой заняла около двух часов, и, откачав воду, моряки вновь вернулись к изучению неожиданно нахлынувшего на них богатства. Добравшись до тех участков, которые ранее были затоплены, Рольф убедился, что оно значительно большее, нежели барон мог предположить после первого осмотра. Обоих скитальцев морей это привело в восторг.

– А ведь удачливые были стервецы, якорь им под виселицу, – признал Гунн, вынося на палубу кожаный мешок, наполненный золотым песком, и присоединяя его к еще четырем, набитым золотой и серебряной утварью. И теперь все это – ваше, капитан. – Из того, что осталось в надстройках, в сундуках, тоже можете взять, сколько пожелаете. Моя доля будет таковой, каковой вы ее определите.

– Вы всерьез полагаетесь при дележе сокровищ только на мою порядочность и волю? – не поверил его безразличию барон.

– Исключительно. Сокровища совершенно не привлекают меня. Денег мне нужно не больше той суммы, которая обеспечивает мне одежду и пропитание.

– Ваши уста, боцман, изрекают нечто невероятное.

«А ведь он проверяет тебя на жадность, – вдруг понял Рольф. – Не может быть, чтобы у этого бродяги напрочь отсутствовали страсть к обогащению и элементарная человеческая жадность. Такого попросту не бывает».

– Все, что здесь есть, мы поделим поровну. Кроме того, что понадобится для оснащения и пропитания команды.

– Совсем поровну? – недоверчиво переспросил Гунн, вызвав этим своим вопросом снисходительную ухмылку Рольфа.

– Причем свою часть вы спрячете на острове без меня, чтобы у вас никогда не возникало опасения, будто я могу воспользоваться ею. Я со своей частью поступлю точно таким же образом. Тогда ничто не станет омрачать наших отношений.

– Их может омрачить что угодно, кроме золота, капитан.

Разделив свои сокровища на три части, новоявленные нувориши одну из них решили оставить на корабле, чтобы разделить потом, как только удастся добраться до ближайшей английской колонии. Свою долю капитан перенес в неприметную, расположенную неподалеку от бухты, пещеру, некогда служившую ему первым убежищем. Одну из карстовых пустот, образовавшихся как бы на нижнем этаже пещеры, Рольф использовал в качестве временного тайника, завалив вход в него камнями.

Гунн о существовании этого подземелья не знал. Свою долю он должен был перенести в глубь острова и спрятать, где сочтет необходимым. Пока что Рольф оставался доволен тем, что пират ведет себя подчеркнуто дружелюбно и что отношения их складываются как нельзя лучше.

Когда с доставкой драгоценностей на берег было покончено, Рольф и Гунн вновь спустились к плоту, чтобы вернуться на корабль. Солнце уже клонилось к закату, но океан по-прежнему оставался на удивление спокойным. Что же касается залива, то здесь, как обычно, воцарился полный штиль, при котором казалось, будто «Адмирал Дрейк» стоит вмерзшим в ледяную гладь его зеркала.

– Хочется верить, что этот день так и закончится в мире и согласии, – проговорил боцман, когда они добрались до середины залива, и в просвете между скалами вновь стал виден горизонт океана. – Предполагаю, что пираты дали нам передышку.

– Считаете, что они неминуемо вернутся сюда?

– И уже рыскают где-то неподалеку. Возможно, обнюхивают какой-либо из соседних островов, якорь им под виселицы. Они ведь исчезли во время шторма и понятия не имеют о том, какая судьба настигла «Адмирала Дрейка». Но в любом случае нам следует решить, как поступить, когда они нагрянут сюда: то ли сражаться на корабле, для которого нас слишком мало, то ли уходить в глубь острова.

Вместо ответа Рольф направил плот в небольшой залив, образующийся справа от пролива. Восточная часть его, обращенная к горловине бухты, оставалась более открытой, так что несколько бортовых орудий могли быть направлены против любого корабля, решившегося проникнуть в бухту. В то же время с корабля или шлюпки обнаружить «Адмирала Дрейка» могли, лишь миновав прибрежные скалы. То есть в любом случае «Адмирал» оказывался позади них, и, пользуясь внезапностью, мог открывать огонь первым.

– Вы правы, капитан, двухорудийного залпа достаточно, чтобы любая шлюпка была разнесена взрывом, – Гунн все продолжал поражать капитана своей способностью очень точно улавливать его мысли и намерения. А ведь в определенной ситуации эта его способность могла оказаться слишком опасной.

– Но для этого сначала нужно умудриться загнать фрегат в этот... хм... фьорд.

– Я не желаю, чтобы такой корабль достался пиратам. Пусть лучше он погибнет.

– А еще лучше – пусть спасется вместе с нами. Эти скалы мы можем превратить в грозный форт. Оружия у нас хватает.

– Да уж, везение, которое постигло нас с вами, капитан, случается раз на две жизни. Нам бы еще парочку надежных проходимцев... А то ведь не устоим.

Рольф относился к опасности намного спокойнее. В душе он радовался каждой возможности вновь ступить на палубу корабля. Гунну трудно было понять, как все здесь умиляло человека, которому несколько месяцев пришлось провести в полном одиночестве на необитаемом острове.

Однако наслаждаться корабельным бездельем было некогда. Моряки-островитяне упорно трудились до заката солнца, а затем еще – до полуночи, совершая рейды на плоту, и уже потом, на самом судне, при сиянии полной яркой луны. И хотя поспать в ту ночь им не пришлось, зато на следующий день осталось перевезти лишь незначительную часть корабельного арсенала.

Гунн, проводивший в море несколько месяцев, решил провести это утро отдыха на берегу, в гамаке. Рольфу, наоборот, не терпелось поскорее вновь очутиться в капитанской каюте, соединявшей в себе две мечты островного отшельника: корабль – и хоть какие-то признаки цивилизации.

Отправляясь на косу, Гунн захватил с собой два ружья и два пистолета. Рольф тоже тщательно проверил и зарядил несколько ружей и пистолетов, и часть из них занес в каюту, а часть расставил у надстроек, чтобы в случае нападения они оказались под рукой.

Прежде чем скрыться в каюте, барон еще несколько минут стоял на баке корабля, любясь освещенными рассветным сиянием хребтами прибрежных гор и серебристо-синей гладью бухты. В эти минуты Рольфу показалось, что он уже прощается с островом, и этого было достаточно, чтобы к горлу подступил удушающий комок тоски и какой-то еще не совсем осознанной жалости к самому себе.

«А ведь, возможно, “Адмирал Дрейк” – первый большой корабль, который вошел в эту бухту за всю историю ее существования, – попытался барон развеять это чувство некими отвлеченными размышлениями. – Не исключено, что тысячи моряков, которые изредка оказыва-

лись вблизи Острова Привидений, даже не догадывались, что за двумя лесистыми скалами, между которыми открывается небольшой просвет, скрывается чудесная бухта, войти и выйти из которой можно лишь во время прилива».

Рольф – этот отшельник, еще вчера томившийся своим одиночеством на безлюдном острове, – сегодня вдруг почувствовал, что ему не хочется покидать сей клочок суши. И что, куда бы ни забросила его судьба, жить он предпочел бы вот на таком корабле, стоявшем в какой-нибудь тихой бухте. Время от времени он мог бы выходить на этом плавучем замке в открытое море, чтобы, развеяв ностальгию странствий, вновь возвращаться к причалу. Клочок земли на побережье, свой причал и свой собственный корабль, небольшая команда которого временно была бы и прислугой, и охраной его владений, – вот и все, что нужно барону фон Рольфу, чтобы дома он чувствовал себя как в море, а в море – как дома.

– Эй, командор, надеюсь, вы не выйдете в океан, не дождавшись своего боцмана?! – в словах Гунна впервые промелькнула хоть какая-то попытка сострить.

– Если к десяти утра не явитесь на корабль, буду считать вас дезертиром!

Шутка Гунну понравилась, и из-за деревьев еще долго доносился благодушный хрипловатый рокот его просоленной морскими ветрами луженой гортани.

«Что-то слишком добродушен и щедр этот Гунн, – подумалось Рольфу. – Когда речь заходит о бывшем пирате, это кажется подозрительным».

9

Открыв глаза, Рольф увидел, что солнце поднялось уже довольно высоко, и лучи его, проникая через иллюминатор, освещают большую часть просторной каюты.

Еще лежа в постели, он ощутил легкое покачивание, и сначала с радостью вспомнил, что он на корабле, а уж затем понял, что во время утреннего прилива корабль сошел с мели и вновь оказался на плаву. Помогло ему, очевидно, и то, что вчера они с боцманом славно потрудились, переправив на берег большую часть вест-индского золотого песка и прочих драгоценностей, значительно облегчив этим «Адмирала Дрейка».

Гунн уже был на палубе. Едва выйдя из каюты, Рольф услышал его ворчливое мурлыканье, которое должно было означать пение, и увидел, что боцман с топором в руке приценивается к сломленной мачте.

– Я верно понял, командор, что эту мачту мне приказано убрать? – проговорил он, не оглядываясь на подступавшего сзади капитана и даже не поздоровавшись с ним.

– Вы должны были сделать это еще вчера.

– Это вы должны были приказать мне убрать ее еще вчера, – благодушно напомнил Гунн. – Она создает ненужный крен и помешает нам маневрировать при заходе во фьорд.

– Думаете, нам действительно следует загонять «Адмирала» в этот каменный мешок? По существу, в ловушку?

– Лучшего укрытия нам не сыскать. Учитывая численность вашего экипажа, капитан, это ясно, как божий день. И потом, это ведь было ваше предложение.

– Предложил, но, как видите, усомнился. А если усомнился, то почему бы не посоветоваться с бывалым моряком? Хотя вряд ли корабль, о котором вы ранее говорили...

– Едва поднявшись на рассвете на плато, я увидел далеко в море огонь. Два якоря мне под виселицу, если это не какой-то корабль пиратов, промышляющий у соседнего острова.

– А вот это уже серьезно. Значит, не сегодня так завтра они действительно появятся здесь...

– Уверен, что уже сегодня. Но это еще не все. Когда я проснулся, мне показалось, что откуда-то с побережья, оттуда, с запада, – показал рукой Гунн, – потянуло дымком. Кто-то явно

развел костер. То ли готовил еду, то ли заметил сигнальные огни корабля и хотел привлечь внимание команды. Хотя выстрелов, признаюсь, не слышал. А вы, капитан?

– Вынужден признаться, что весь остаток ночи бесчувственно блаженствовал. Вы не представляете себе, какое это счастье: после стольких дней отшельничества вновь ощутить себя в каюте корабля!

– Приблизительно то же самое, что мне, старому бродяге, проснувшись поутру, ступить на покрытую росой землю.

Предварительно обрубив канаты, Гунн окончательно отделил мачту от ее основания и столкнул за борт. Затем, воспользовавшись парусами и имевшимися на корабле веслами – пираты всегда запасались ими, чтобы подходить к жертве в безветренную погоду или двигаться против ветра, – медленно, с огромным трудом моряки завели корабль в бухточку, где ему не страшны были никакие штормы и из которой любое судно, вошедшее в Бухту Отшельника, как называл ее про себя Рольф, они могли расстреливать, как из крепости.

– Если они и высадутся на берег, то на скалы эти вряд ли полезут, – провел Гунн рукой вдоль отвесного берега, прикрывавшего корабль с севера и северо-востока. – Здесь скалы тоже довольно крутые, – переключил он внимание Рольфа на левый берег. – А вон там, пожалуй, единственный участок, взобравшись на который, они могут расстреливать нас напрямую, прячась за камнями, – и он указал на пространство от носа и почти до середины левого борта корабля.

– Поэтому часть орудий мы установим здесь, а еще пять-шесть стволов нужно установить на корме и по бортам, чтобы держать под контролем все пространство напротив фьорда.

Наспех позавтракав и подкрепившись ромом, они прихватили с собой по бутылке вина и вяленой рыбине и отправились прочесывать побережье. Если корабль пиратов и в самом деле рыщет вокруг архипелага, в какой-нибудь миле, то очень важно было определить, кто же бродит по острову. Что это за люди, сколько их и чего от них следует ожидать.

Рольф, хорошо знавший эту часть острова, повел Гунна по плоскогорью, что позволило им значительно сократить расстояние и, оставаясь незамеченными, время от времени осматривать бухты и побережье.

– Насколько большой этот остров? – спросил Гунн, восходя вслед за Рольфом на одну из возвышенностей, с которых хорошо просматривались две бухты и разделявшая их неширокая каменистая коса. – Сможем мы обойти его до заката?

– Скорее, до рассвета. Основная часть острова небольшая, но в океан уходит восемь довольно больших полуостровов, так что птицы, очевидно, воспринимают остров из поднебесья как огромного зеленого кальмара. К тому же вся центральная часть его, а также та часть, что подступает к Бухте Отшельника, гориста и напоминает полуразрушенную, но все еще неприступную крепость.

– Может быть, именно здесь эту крепость и стоит воссоздать, водрузив на ней флаг английской короны.

– Если только остров и в самом деле принадлежит Великобритании, – все еще не мог избавиться от гнетущих его сомнений Рольф. – Я ведь до этого плавал в основном у берегов Англии да в Средиземном море.

– Не сомневайтесь, капитан. Когда в 1655 году англичане взяли под свое правление Ямайку и Барбадос, эта группа островков тоже оказалась в короне Великобритании. Во всяком случае, голландцы, решившись осесть на Кюрасао и Тобаго, сюда не дотянулись; французы же довольствовались Мартиникой, Гваделупой и частью Санто-Доминго.

– Основная их база располагалась на острове Святого Христофора, – поддержал ход его размышлений барон фон Рольф.

– Конечно, время от времени те или иные острова переходили от одной короны к другой, за них велись споры и войны. Но два якоря мне под виселицу, если я собственными глазами не

видел, как одно время над главным островом архипелага, над его прибрежным фортом, трепетал английский флаг. Так вот, я и думаю, а почему бы не возвести сначала форт, а затем и крепость на Острове Привидений, комендантом которого вполне мог бы стать капитан английского королевского флота барон фон Рольф?

– Я так понимаю, что пиратское ремесло вам уже порядком поднадоело, а, мистер Гольд?

– Особенно после вчерашнего вечера, когда я понял, что, как никогда, богат. Отправляться на виселицу, зная, что где-то там, на прекрасном островке, скрывается целое состояние, – до безбожности глупо, якорь мне...

– То есть вы не намерены возвращаться в Старый Свет?

– До него еще нужно добраться. Все больше состоятельных людей оседает здесь, на островах Нового Света, а это о чем-то да говорит, барон. И потом, разве каждый из нас не мечтал о том, чтобы построить замок где-нибудь на заморской земле, где достаточно рабов и солдат и где бы ты чувствовал себя пусть маленьким, но властелином?

– О, да вы стремитесь стать властелином этого острова, Гольд?! Кто бы мог предположить...

– Речь идет не обо мне, а о вас, барон. С меня же будет достаточно должности коменданта крепости Острова Привидений. Ну, разве что еще – управляющего имениями барона, а к тому времени, возможно, графа, а то и лорда фон Рольфа. И в конце концов, если вдруг окажется, что остров находится под флагом Франции, то что помешает нам, фризу и норманну, перейти во французское подданство? – рассмеялся Гунн, проходя мимо капитана и поднимаясь на небольшую возвышенность, за которой начинался спуск в низинную часть острова.

Но не успел он ступить и нескольких шагов, как настороженно остановился в просвете между пышными тропическими кустами.

– Вон они, командор, – почти вскричал он, указывая стволом пистолета куда-то вдаль.

– Кто? – поспешил к нему барон.

– Да те, что спаслись. Здесь их двое, но не исключено, что где-то неподалеку обитает еще несколько их сообщников.

Пристроив подзорную трубу между двумя сросшимися пальмами, Рольф внимательно осмотрел побережье бухты. Двое пиратов нашли себе пристанище в закутке между отвесной скалой и упиравшейся в нее прибрежной возвышенностью. Они сидели, привалившись спинами к стволам деревьев, и то ли дремали, то ли безучастно смотрели на полупогасший костер. Неподалеку от их стоянки, между вставшими в берег валунами, чернело нечто похожее на остатки лодки, на которой эти скитальцы морей добрались до острова.

– Посмотрите, боцман, какую западню устроили сами себе эти двое, – передал Рольф подзорную трубу Гунну. – Если мы незаметно приблизимся со стороны вон того мыса, ни отступить, ни, тем более, укрыться им уже будет негде.

– Что верно, то верно, – признал боцман, тоже внимательно осматривая пристанище пиратов. – Но когда люди не в состоянии ни убежать, ни укрыться, им остается только одно – отчаянно сражаться, два якоря им под виселицу.

– И пусть. Их, как и нас, двое.

– Ну да, если не считать вон того, третьего, улегшегося под кустарником, из-под которого выглядывают только его ноги. Разве что это они уложили его, раненного, в тени...

Рольф молча отнял у боцмана подзорную трубу и вскоре убедился, что тот прав: один из сидевших у камня пиратов поднялся, подошел к кустарнику и, присев у него, очевидно, стал переговариваться с лежащим.

– К тому же не исключено, что один или двое их собратьев отправились на разведку, поиски воды, пищи и остатков корабля.

– В любом случае нам лучше сразу же выяснить, что это за люди и на что они, так уютно устроившись в наших владениях, рассчитывают – решительно промолвил Гунн, и, проверив пистолет, забросил на спину большое осадное ружье.

– О да... В наших владениях! – иронично поддержал его Рольф.

– Вам как капитану корабля и губернатору острова, – уловил Гунн его настроение, – следует, если того пожелаете, провести с этими бездельниками жесткие переговоры.

– Уже пожелал, комендант.

– Тогда вам лучше всего подойти к ним с западной стороны, вон по тому спуску, и заодно закрыть выход из лощины. Я же спущусь к морю, чтобы потом подняться на прибрежную возвышенность и напомнить им о нормах приличия, достойных общения с бароном, капитаном и губернатором, – произнес Гунн со всей возможной серьезностью.

– Они будут поражены вашим уроком, – высокопарно заверил его барон.

– И даже слегка растеряны от неожиданности.

10

Пробираясь вершиной прибрежного хребта, Рольф внимательно всматривался в заросли дикого винограда и прислушивался ко всему, что происходит вокруг. Нет, никаких признаков того, что кто-либо из пиратов оказался вне «ловушки», не появлялось. Между тем голоса сидящих у костра становились все явственнее.

– И долго мы будем стоять у его смертного одра, как почетный караул – у ложа адмирала?! – взорвался недовольством один из пиратов, густой пропитый бас которого сразу же выдавал в нем человека властного и раздражительного.

– Но ведь не можем же мы оставить его здесь одного, и в таком состоянии, – неокрепшим голосом юнга возразил второй моряк. – Если бы я не принес ему воды, он уже умер бы. А так, видишь, ему стало лучше.

«Значит, их всего трое, – убедился Рольф. – К тому же третий тяжело ранен. В таком случае с ними и в самом деле можно говорить жестко, диктуя свои условия. Они понятия не имеют о том, сколько нас. И в этом наше преимущество».

Подойдя к скале, возвышавшейся у входа в долину, Рольф приготовил ружье и пистолеты. Выждав еще несколько минут, он увидел, что Гунн уже взобрался на плато и, незамеченный пиратами, затаился у валуна.

Один из пиратов продолжал сидеть в той же позе, – прислонившись спиной к дереву, – в какой они впервые увидели его; второй был занят раненым. Склонившись над ним, юнга то ли поил его, то ли поправлял повязку. Сочтя это внимание к раненому занятием весьма благородным, барон решил с ультиматумом не торопиться.

– Эй, вы! – крикнул он, как только рослый, стройный пират покончил с обязанностями сиделки. – С вами говорит лейтенант английского королевского флота барон фон Рольф! Вы окружены моими людьми. Если вы сдадитесь без боя, я предоставлю вам возможность войти в команду фрегата «Адмирал Дрейк», который отныне принадлежит мне, а значит, и флоту его величества короля Англии!

Парень, хлопотавший возле раненого, так и остался сидеть рядом с ним. Правда, теперь в руке у него оказался тесак, однако и в этом случае особой опасности для барона он не представлял. Зато его товарищ мгновенно вскочил на ноги и, спрятавшись за ствол дуба, довольно агрессивно произнес:

– Еще чего – «Адмирал Дрейк»? Это наш корабль. Это мы – из его команды! И ни о каком бароне-капитане слыхом не слыхивали.

– Но теперь-то слышите!

– Брось, парень! Корабль давно затонул! Так что стоит ли спорить?!

– Просто вы слишком рано покинули его. Корабль на плаву, и у него теперь другая команда. Как офицер королевского флота предлагаю вам сдаться и тогда обещаю похлопотать перед королевской администрацией о вашем помиловании.

– А может, сразу вздернешь, а, барон?! – не унимался пират.

– Слишком уж ты разговорчив, якорь тебе под виселицу! – наконец подключился к переговорам Гунн, хриплый бас которого отзывался в скалах таким эхом, что, казалось, вот-вот вызовет горную лавину. – А тратить на тебя время мы не собираемся!

Пока пират лихорадочно шарил взглядом по вершине возвышенности, пытаясь определить, где именно засел соратник барона, Гунн выстрелил, и пуля расщепила ветку у плеча несговорчивого джентльмена удачи.

– Прекрати палить!

– А ты прекрати болтать!

– И что дальше?!

– Еще раз напоминаю, что мы не на королевском совете, и нам некогда изощряться в дипломатии, якорь тебе под виселицу!

– Но не может быть, чтобы «Адмирал Дрейк» остался на плаву, – вновь возмущенно взорвался пират. – Какого дьявола?! Он ушел на дно!

– Перестань спорить с ними, Рой, – попробовал повлиять на него тот, что все еще сидел над раненым. – Иначе они попросту перестреляют нас.

– Или перевешают, – поддержал его Гунн. – Так что одно из двух: или ты принимаешь условия капитана Рольфа, или – порцию свинца!

Рой был не из тех, кого можно было запугать свинцом или авторитетом. Именно тогда, когда Гунн с презрением отверг какую-либо дипломатию, Рой как раз почувствовал влечение к переговорам.

– Так не пойдет! Мы не примем никаких ваших условий, пока не соизволите считаться с нашими!

– Нет, вы слышали, капитан, этот висельник собирается ставить нам условия!

– И что же вы хотите предложить нам?! – не стал горячиться Рольф.

– Сначала вы покажете корабль и познакомите нас с командой, а уж затем мы решим: входить в ваш экипаж или же дожидаться более пристойного суденышка.

– К тому же вы должны принять нас вместе с этим раненым джентльменом! – поспешил воспользоваться случаем второй пират.

– Вот именно, Грей. Это как раз и является еще одним нашим условием. Причем непременно, испепели меня огонь святого Луки!

– Да вы взгляните на себя, идиоты! – не мог уговориться Гунн. – Кто вы такие, два якоря вам под виселицу, чтобы выдвигать какие-либо условия?!

– Такие же флибустьеры, как и вы, джентльмены, – ответил Грей, поднявшись и даже не пытаясь искать укрытия за деревьями или камнями.

Второй выстрел Гунна пришелся чуть повыше головы Грея, и теперь уже барон не сомневался, что в лице боцмана он получил меткого стрелка, который пока что всего лишь демонстрирует свое умение прицельно не попадать.

– Хватит спорить, джентльмены! – молвил Рольф, выходя из-за скалы. – Можете считать, что оба ваши условия приняты! Берите своего раненого и бредите за нами. Не пройдет и получаса, как вы увидите мачты «Адмирала Дрейка». А еще лучше – оставьте пока раненого здесь. Тряска для него смертельно вредна.

– Вы великодушны, сэр, – вполголоса проговорил Грей, первым приближаясь к капитану. И Рольф обратил внимание на то, какие большие, с лазурной поволокой, глаза у этого парня и как прекрасно он сложен. Широко расставив ноги и обхватив руками толстый ремень из буй-

волиной кожи, Грей оценивающе смерил Рольфа добродушно-ироничным взглядом и неожиданно протянул ему руку.

– Будем друзьями, капитан. Если, конечно, вам не претит дружба с юнгой.

– С моряком, – вежливо уточнил Ирвин.

– Констанций Грей. Обычно зовут просто... Грей.

Барон тоже представился.

Пожимая руку Констанция, он вдруг ощутил какое-то странное волнение, как если бы в его ладони оказалась рука женщины. Ему даже не захотелось отпускать ее. Именно поэтому, устыдившись, он буквально отшвырнул руку Грея, почувствовав себя слишком неловко при мысли, которая посетила его в эту минуту.

– Морской опыт у меня небольшой, капитан. Пиратский – тем более. Тем не менее, спокойно можете включать меня в команду – уже как матроса королевского флота.

– Вот это – решение истинного моряка.

– Да, сэр, истинного.

– Откуда вы родом?

– Из Англии. Мой отчим был военным моряком.

– И как же вы оказались на пиратском судне?

– Я плавал юнгой на военном корабле, сэр, который в одном из боев был взят на abordаж пиратами. Случилось так, что я не погиб, а вместе с несколькими своими товарищами оказался у них в плену.

– Странно, что вас не вздернули и не выбросили за борт.

– Только потому и не вздернули, что среди пиратов оказался Рой Вент.

– Этот самый? – кивнул Рольф в сторону пирата, пытавшегося объясниться с раненым.

– Когда-то он тоже служил на военном корабле, бомбардиром, под командованием одного старшего лейтенанта, и тоже Грея – как оказалось, моего отчима. Он-то и уговорил капитана, поручился за меня. Кроме того, капитан обратил на меня внимание еще во время боя, – чуть замямившись, добавил Грей. – Кажется, я не выглядел тогда трусом.

– Вряд ли мы донесем его, Грей, – приблизился к ним Вент. – Лучше пока что оставить здесь. Найдем на корабле кусок парусины, соорудим носилки и уж тогда вернемся. Если только в этом еще будет какой-то смысл. – Бомбардир исподлобья взглянул сначала на Рольфа, затем на спускавшегося с возвышенности Гунна, и, презрительно сплюнув, направился к выходу из долины. Однако Рольф попридержал его за плечо и в мгновение ока выхватил у него из-за пояса пистолет и нож.

Вент недовольно побряхтел и даже раскинул руки, словно намеревался тотчас же наброситься на Рольфа, но затем признал:

– Справедливо, разрази меня огонь святого Луки. Коль уж мы оказались у вас в плену. А ведь могло быть и наоборот.

Наблюдавший за этой сценой Грей молча извлек свой пистолет и нож, однако едва заметным движением руки Рольф остановил его.

– Можете оставить его при себе, матрос.

– Как это понимать? – полуоскорбленно удивился Грей. – Считаете, что никакой опасности для вас не представляю?

– Считайте это проявлением доверия. Тем более что при нашей встрече особой воинственности вы не проявляли.

– О чем уже сейчас сожалею. Когда у моряка не отбирают оружие, это ведь может показаться оскорбительным: значит, его не принимают в расчет.

– Кажется, вы сказали, что во флоте его величества служили юнгой?

– Да, служил, – с вызовом признал Грей. – Почему вы решили вспомнить об этом, сэр?

– Потому что вы и сейчас все еще ведете себя, как юнга, – снисходительно улыбнулся Рольф.

– После еще одного подобного оскорбления, сэр, – вполголоса пригрозил Грей, очевидно, чтобы его не могли услышать Гунн и Вент, – я вынужден буду вызвать вас на дуэль.

– Не бойтесь, что эта ваша первая в жизни дуэль может оказаться последней?

– Вполне допускаю. Всякая дуэль может оказаться для любого из дуэлянтов последней. Но только она у меня, к вашему сведению, не первая, барон фон Рольф.

– В таком случае беру свои слова обратно, – все в том же иронично-снисходительном тоне пошел на примирение Рольф. – Надеюсь, семнадцать вам уже исполнилось?

– Мне уже давно идет двадцатый, капитан, – округлились от возмущения глаза Грея.

– В таком случае назначаю вас старшим офицером бомбардиров, лейтенант Грей.

– Да, старшим офицером бомбардиров?!

– Что вас так удивляет?

– Это не шутка? – понизил он голос почти до шепота. – Вы действительно хотите назначить меня лейтенантом бомбардиров?

– Уже назначил.

– Но согласятся ли с этим бомбардиры?

– А кто посмеет перечить капитану?

– Я имею в виду – вне корабля. То, что я лейтенант... Это разве будет признано?

– В общем-то, офицерские чины в королевстве Великобритании раздаю пока что не я.

– Вот и я смею предположить точно так же, сэр.

– Но как только мы доберемся до ближайшего английского порта, я сумею связаться с адмиралом или вице-адмиралом.

– ...И если он подтвердит, что вы назначаетесь капитаном «Адмирала Дрейка», – теперь уже не мог не съязвить Констанций Грей. – В чем ни я, ни вы сами не уверены.

И, не выслушав возражений барона, решительно пошел вслед за Вентом.

Барон удивленно посмотрел ему вслед, ухмыльнулся, но «приводить в чувство» не стал – решил, что еще успеется.

– Этот и в самом деле может не выжить во время перехода к судну, – подвел тем временем итог своего первого знакомства с раненым боцман Гунн.

– Значит, оставляем его здесь, это уже решено, – рассеянно молвил Рольф, все еще глядя вслед новоявленному старшему бомбардиру.

– Как вам пополнение, командор? – мрачно проследил за выражением его лица Гунн.

– Скоро увидим. – И Рольф вручил боцману трофейные пистолет и нож.

– А почему не разоружен любимчик Грей?

– Наоборот, его следовало бы вооружить.

– С чего вдруг?!

– Поскольку на самом деле у него в запасе нет ни одного пистолетного заряда. Как бы он при этом ни храбрился. Другое дело – Вент.

– Думаю, ничего страшного не произойдет, если после сегодняшней вылазки нас станет не четверо, а всего лишь трое... – задумчиво жевал травинку Гунн.

– Не торопитесь, боцман, не торопитесь; вы не на пиратском судне и над вами английский флаг, а не «Веселый Роджер».

11

Только теперь Рольф приблизился к раненому и внимательно осмотрел его. Грудь бедняги была оголена, и из окровавленной повязки сочилась кровь вместе с остатками морской воды. Он еще жил, еще что-то бормотал в бреду, но уже было ясно, что время его исходит.

– Эй, Вент! – позвал Рольф пирата, уже намеревавшегося начать восхождение на хребет. – Вернитесь и останьтесь с раненым. В трехстах метрах отсюда – вон в том направлении – протекает ручей. Возьмите флягу, принесите воды и обмойте рану. Если этот несчастный умрет, идите в сторону вон той вершины, – указал на гору, видневшуюся неподалеку от Бухты Отшельника. – Мы найдем вас у подножия склона, спускающегося к океану.

Заметно было, что приказ капитана Венту не понравился, однако возражать пират не решился. Возвращаясь к раненому, он молча протянул Рольфу руку. Верно истолковав его жест, капитан так же молча вложил в нее лишь недавно отобранный у Вента пистолет, затем, метнув, вонзил в ствол дерева его нож.

– Для флотского лейтенанта его величества – неплохо, – оценил Вент, вновь давая понять Рольфу, что сломить его будет не так-то просто и что в роли капитана «Адмирала Дрейка», а значит, и своего вожака, Рольфа он все еще не признал.

– Не стоит так рисковать, барон, – недовольно прохрипел Гунн. – Эти бродяги – отпетые негодяи. Это говорю вам я, точно такой же бродяга и отпетый негодяй.

– Но вам-то я доверяю, боцман.

– Потому что только мне и можете пока что доверять.

– И все же будем считать, что теперь нас уже четверо, – и, выждав, пока Грей удалится еще шагов на десять-двенадцать, вполголоса проговорил: – И потом, без Вента нам легче будет выяснить, что представляет собой этот парень.

– Корабельный любимчик – вот что он собой представляет. Такие долго на кораблях не задерживаются. Тем более – на пиратских. Им хочется приключений и славы, славы и приключений. А море таких не терпит.

– Вам-то чего хочется, Гунн? Богатства, славы, чинов?

– Плевал я на все это, – и Гунн смачно сплюнул. – Все ваше золото и все ваши чины не стоят одного порыва мести. Нет, конечно, ни от денег, ни от почестей я не отказываюсь. Но и не стремлюсь к ним.

– Золото и чины – не стоят порыва мести? – щедро сморщил лоб капитан.

– Да, капитан. Золото и чины не стоят... порыва мести. Но только не надо сейчас об этом.

– И все же я верно понял: вы появились на море, стали моряком, пиратом... всего лишь ради мести?

– Вот именно: ради мести. Но только я ведь попросил вас, сэр... Потолкуем об этом в другой раз, – голос Гунна стал еще суровее. – В иной обстановке и более рассудительно.

– Как изволите, – высокомерно протянул Рольф, хотя категоричность боцмана явно обескуражила его.

– Извините барон, – понял свою оплошность Гунн. – На то есть причины. То, что мною движет, не подлежит ни пересудам, ни пониманию и осуждению. Это следует выносить в себе, проникнуться этим, взорваться собственными ненавистью и местью. Вот только вряд ли вам удастся постичь всю глубину и святость этого чувства, этой страсти.

Рольф снисходительно улыбнулся и похлопал боцмана по плечу.

– Зачем же так безнадежно, мистер Гунн? Обычно мне удается понимать своих собеседников. Тут многое зависит от того, как они объясняют свои взгляды.

– Мне почему-то показалось, что вам проще понимать корабельных любимчиков, вроде Констанция Грея.

– Не хватает еще, чтобы с первого же дня вы с лейтенантом Греем невзлюбили друг друга, – мрачно предупредил его капитан. – Но только помните: вражды на своем корабле я не потерплю.

Поднявшись на плато, Рольф повел своих матросов не на восток, к кораблю, а к западной оконечности острова, рассчитывая таким образом продолжить его обход. Впрочем, Грей

все равно не знал, в каком направлении им следует двигаться, поэтому молча последовал за капитаном, располагаясь между ним и боцманом.

– Так все же: ты англичанин или испанец? – резко спросил его Гунн, как только они завершили подъем и двинулись по козьей тропе в сторону видневшейся вдали конусообразной вершины, очень похожей на вершину вулкана.

– Англичанин, естественно. Я уже сообщил об этом капитану.

– А может быть, испанец? Я встречал немало испанцев, которые довольно сносно калякают по-английски. Тем не менее впоследствии они оказывались испанцами, два якоря им под виселицу, что всегда основательно раздражало меня.

– Вас раздражает уже само то, что кто-либо из известных вам людей – испанец? – довольно миролюбиво удивился Грей. – Даже если он совершенно не враждебен вам?

– Уже одного этого, сэр, вполне достаточно, чтобы вздернуть его на любом из произрастающих здесь деревьев, – на ходу потянулся Гунн к низко свисающей ветке с желтоватыми, похожими на абрикосы, плодами, которые, хотя и отдавали легкой горьковатостью, но были очень сочными и великолепно утоляли жажду.

– Вы-то сами, как я уже обратил внимание, по-английски говорите с акцентом.

– С чем? – проворчал Гунн.

– Я сказал: с акцентом. Обычно по-английски так говорят то ли скандинавы, то ли германцы.

– А еще – благословенное Богом племя фризоров, к которому принадлежал мой отец. В то время как мать оставалась саксонкой.

– Тогда откуда у вас такая ненависть к испанцам?

– Я не желаю объясняться перед вами по этому поводу, сэр. Но предупреждаю: если в конечном итоге окажется, что вы или ваш товарищ по команде – испанцы... И потом, я ведь не утверждал, что ненавижу испанцев только потому, что считаю себя чистокровным англичанином.

– Где вы выискали этого лютого испаноненавистника, барон? – все с тем же добродушием нарушил Грей молчание капитана. В общем-то, он был доволен, что пленение обошлось без схватки и что эти двое джентльменов относятся к нему не как к пленнику, а пусть пока что к ненадежному, непроверенному, но все же члену команды.

– Что произошло с остальными моряками, покинувшими «Адмирала Дрейка» вместе с вами? – не стал отвечать на его провокационный вопрос Ирвин Рольф.

– Одна шлюпка перевернулась на волне неподалеку от рифов, и мы видели, как моряки гибли в водоворотах, на остриях камней, а возможно, и в пастях акул.

– Вам уже удалось найти проход между рифами и благополучно достичь берега.

– Не совсем так. Мы действительно прошли через рифовый барьер, однако затем шлюпку швырнуло на прибрежную скалу. Спасти, как видите, удалось только нам троим. Да и то лишь потому, что мы с Вентом помогли коку Самуэлю – тому, раненому – добраться до берега. Тогда он еще держался. Однако морское купание на пользу ему не пошло.

– То есть вы уверены, что, кроме вас троих, никто из команды «Адмирала» берега не достиг?

– Почти уверен в этом, сэр.

– А ведь на вашем корабле было несколько пиратствующих испанцев, – вмешался в их разговор Гунн.

– Которых мы захватили в плен. Кажется, их было пятеро. Но когда вы напали на наш корабль, они взяли в руки оружие и погибли вместе со многими другими.

– Можешь считать, что им здорово повезло, парень. Так и передашь, встретив их на том свете, на задворках ада. Куда сам ты, уверен, тоже отправишься очень скоро.

– Разумеется, но только в вашей компании, боцман.

– Прекратите, Гунн! – вынужден был вмешаться в их спор барон фон Рольф. – Оба немедленно прекратите! – Жгучая ненависть боцмана к испанцам оказалась для капитана совершеннейшей неожиданностью, поэтому он решил, что это всего лишь повод, чтобы придрататься к их новому лейтенанту бомбардиров.

Достигнув возвышенности, у которой плато расчленилось на две части (одна продолжала уводить на восток, другая же – резко на юг), Рольф остановил свою группу.

– Здесь мы разделимся. Вы, Гунн, направляйтесь вон к той, похожей на парус, скале. На развилке тропы уходите вправо и, время от времени приближаясь к побережью, осматривайте его. Оказавшись у скалы, то есть на полуострове, побывайте на северной и южной его частях. Главное для нас – выяснить, нет ли где-либо поблизости корабля. То ли того, второго, пиратского, то ли любого другого. Возвращаться будете по уже известной вам тропе, к тому месту, где остались Вент и раненый. Вместе с ними и доберетесь до судна. Мы же с Греем пойдем на юг, вновь выйдем к побережью и по нему тоже достигнем Бухты Отшельника. Таким образом мы значительно сократим время обхода острова.

– Первого губернаторского обхода, сэр, – не без удара по самолюбию Грея напомнил Гунн. – И пусть только кто-либо усомнится в вашем праве на этот титул, два якоря ему под виселицу!

– Усомниться в праве капитана Рольфа на губернаторство? – мгновенно сориентировался в обстановке Грей. – Да кому может взбрести такое в голову?!

Барон отчетливо уловил в его словах неприкрытую иронию, однако благоразумно решил, что она больше относится к Гунну, нежели к нему.

Расставшись с боцманом, он еще какое-то время шел, постоянно оглядываясь. Ему видна была вершина-парус, и он помнил, что очень скоро тропа, по которой движется боцман, раздваивается. Если Гунн забудет о его наставлении и свернет влево, то окажется южнее мыса и потом уже вряд ли сможет вернуться на него, поскольку очутится по левую сторону от крутой скалистой гряды.

– Вы с Гунном тоже познакомились совершенно недавно, сэр, – не спросил, а скорее высказал догадку Грей.

– Можно считать, что два дня назад. Разве не помните: он ведь был пленником вашей команды.

– Гунн? Пленником нашей команды?! Странно. Вот почему лицо его показалось мне знакомым. После абордажа у нас действительно оказалось несколько пленных, но, признаться, я не очень-то интересовался ими. Может быть, потому, что и сам не так давно оказался в плену у пиратов. А сразу после сражения отправился в кубрик и не выходил оттуда до того времени, пока команда не начала оставлять судно.

– Теперь вы уже чувствуете себя истинным пиратом?

– Джентльмены удачи так не считали. Во всяком случае, не были в этом уверены.

– А вы? Сами вы... уверены?

– Вы, сэр, насколько я понял, тоже ведь успели побывать среди пиратов.

Вместо ответа Рольф, шедший первым, оглянулся и одарил Грея снисходительной улыбкой. Барону не было еще и тридцати, но по сравнению с этим юнцом он уже казался себе умудренным жизнью и океаном морским волком.

– Если честно, – поспешил оправдаться Грей, – то стать пиратом я мечтал с детства.

– Мечтали стать пиратом?!

– А что, у каждого своя мечта.

– Но далеко не каждый мечтает стать пиратом. Мне приходилось встречать десятки пиратов. Однако ни один из них не был в восторге от своего ремесла, своего жизненного пути и своей судьбы. Просто для каждого из них так сложились обстоятельства.

– В таком случае можете считать, что до сих пор ни один истинный пират вам не встречался. Они не были настоящими морскими бродягами и, скорее всего, ни черта в своем пиратском ремесле не смыслили.

Рольф присвистнул от удивления и вновь оглянулся:

– Прощаю вам, что решаетесь быть столь откровенным с офицером королевского флота. Но не советовал бы оставаться столь же откровенными с судьей, который будет решать вашу участь после того, как вы окажетесь закованными в кандалы и перед вами замаячит виселица.

– Не смею вас огорчать, мой капитан, но боюсь, что именно таким, если не еще более откровенным, с судьей я и останусь. Ведь то, что мне придется сказать ему, будет последним моим словом, которое уже вряд ли кто-либо, кроме палача, услышит.

– Который, как правило, не предрасположен к выслушиванию подобных исповедей, равно как и проклятий в свой адрес.

– Каждый, кто готовит себя к судьбе пирата, должен быть готов и к виселице, – упрямо стоял Грей, хотя Рольф почувствовал: убежденность его все же каким-то образом действовала на способ мышления юного пирата, и говорит он о пиратстве уже не столь уверенно – во всяком случае, не столь возвышенно и вызывающе.

– Не знаю, бомбардир, лично мне еще не приходилось встречать человека, достаточно готового к тому, что его вздернут, совершенно смирившегося с этим.

– Может, вы попросту не сумели уловить такой подготовленности?

– Всегда оказывается, что эшафот не так уж героичен, как может показаться, когда слушаешь рассказы бывалых пиратов. Ведь именно из них вы и узнали о законах морского братства. Хотя многие из тех, чьими рассказами вам приходилось заслушиваться в портовых кабаках, не очень-то распространялись по поводу своего собственного пиратствования. Отделялись портовой молвой...

12

Они спустились в долину, в которой густой девственный лес перемежался с оголенными скалистыми островками, а между холмами притаились залитые солнцем поляны, покрытые коврами невысокой, густой, выпасаемой стадами диких коз, травы.

Месяцы, проведенные Рольфом на Острове Привидений, убедили его, что, по существу, судьба занесла его на райский уголок Земли с вечно теплым, но не слишком жарким климатом, на котором влаги и солнца приходилось ровно столько, чтобы все на нем круглый год не предавалось ни изнурительным ливням, ни еще более губительным засухам. Где банановых и кокосовых пальм, а еще коз и прочей дичи было столько, что здесь безбедственно и без особых трудов могло жить несколько тысяч человек. Почему сложилось так, что именно в этом раю человеческом ни один человек до сих пор не прижился – этого понять он не мог.

Из раздумий капитана вырвал крик Грея. Резко оглянувшись, он увидел, что Грей стоит на носке левой ноги, правая же высоко поднята и конвульсивно согнута.

– Что случилось?! – бросился к нему Рольф. Однако ответа не последовало. Констанций застыл с широко открытым ртом и замершими от ужаса глазами. – Змея? Вас укусила змея?!

Покачивая головой, Грей указал пальцем на древесного питона, медленно уползавшего в сторону расщепленного молнией, некогда могучего клена.

Метнувшись к змее, Рольф в мгновение ока отсек ему саблей голову и, вытирая лезвие о стебли травы, вернулся к лейтенанту.

– Это как раз не самая опасная из подобных тварей, мистер Грей, – проговорил он, не скрывая насмешки. – Я бы даже сказал: самая безобидная.

– Я их терпеть не могу, – даже не пытался утаивать страха и отвращения Грей.

– Мне еще не приходилось встречать людей, которые бы обожали их. Особенно если они оказывались на таких вот диких островах.

– И часто подобное гадье встречается здесь?

– Да нет, в общем-то их развелось не так уж и много. Хищное зверье тоже не водится. Во всяком случае, почти за шесть месяцев своего отшельничества ни одного волка, тигра или еще чего-либо подобного встречать не приходилось.

– Шесть месяцев отшельничества?! – не слишком уверенно переспросил Грей. – Хотите сказать, что целых шесть месяцев вы провели на этом острове в полном одиночестве?

– Не скажу, чтобы в полном. Дважды наведывались туземцы из соседних островов. Наверное, заметили мой костер и решили, что неплохо было бы вашим покорным слугой отобедать. Но от осознания этого я стал воспринимать себя еще более одиноким и... беззащитным.

– Странно слышать нечто подобное, капитан. Вы даже не пытаетесь храбриться.

– Ну, почему же. В ожидании того, когда дикари разведут костер, чтобы зажарить меня, я бы, конечно, храбрился, как мог. Не знаю, правда, как бы это у меня получалось...

И они оба рассмеялись. Это был тот искренний, «всепонимающий» смех, который способен примирять даже недавних врагов.

– Значит, они здесь еще и людоедствуют, местные аборигены? Почему их до сих пор не истребили? Всех до единого?

– Вы что, впервые в этих водах, Грей?

– В этих – да, впервые. Я уже трижды выходил в море, но всякий раз это происходило в водах Ла-Манша или у берегов Ирландии.

– На берегах Ирландии людоедов водится поменьше, – признал Рольф и вдруг, внезапно остановившись, удивленно посмотрел на лейтенанта. Он вспомнил о том, что так поразило его в первое мгновение: крик, которым Грей пронзил воздух, наткнувшись на питона, очень напоминал характерный вскрик женщины, как если бы она наткнулась на крысу, мышь или что-то еще более «ужасное». Только необходимость тут же избавить Грея и весь остров от «страшилища» развеяла у Рольфа это впечатление. Но лишь на какое-то время. Теперь оно вновь воскресло в нем, поражая своей странной достоверностью.

– Вспомнил, как вы вскрикнули, лейтенант.

– Мне неловко перед вами, сэр.

– Я не хотел упрекать вас. И вообще, дело не в этом.

– В чем же?

– Трудно объяснить. В любом случае, впредь советую оставаться более сдержанным в своих эмоциях, которые морским сообществом никогда и никоим образом не поощрялись.

– Благодарю за совет, сэр. Учту, не быть мне адмиралом трех океанов.

– Адмиралом трех океанов?! Мое воображение потрясено.

– Вам действительно нравится такое высказывание? – убил его своим простодушием Констанций.

– Неподражаемо. А главное, теперь я знаю, что именно привело вас под паруса странствий. Какая мечта позвала в море.

– Никакая это не мечта, – все с тем же простодушием – вот только Рольф так и не смог понять: напускным, игриво-мальчишеским или естественным, – разочаровал его Грей. – Когда-то, еще в детстве, я по несколько раз в день слышал это восклицание от нашего садовника и ночного сторожа, который большую часть жизни проштурманствовал на разных кораблях.

– Надеюсь, у него не хватало наглости титуловать «адмиралом трех океанов» самого себя?

– Не сомневайтесь, хватало.

– Отчаянный наглец!

– Это как раз о нем. Всякий раз, когда я предавался озорству, он, огромный, косматый, хватал себя, – не меня, заметьте, а именно себя, – за борта камзола, рвал его на себе так, словно пытался избавиться от него, оказавшись за бортом, и грозно рычал.

Остановившись, Грей решил воспроизвести вид «лжеадмирала трех океанов» в минуты гнева. Однако попытка Грея превратить свое аристократически смазливое, загорелое, но еще не успевшее огрубить лицо в некое подобие свирепой маски грозы океанов ни к чему не привела. Впрочем, сама эта попытка выглядела довольно комично. И больше всего подводили большие, голубовато-лазурные, покрытые романтической поволокой глаза.

– Вы правильно поступили, Грей, что подались в моряки, поскольку актера из вас не вышло бы, – иронично обронил Рольф. Но ради того, чтобы завершить свой рассказ, бывший юнга простил ему нелестный отзыв.

– ...Так вот, в такие минуты наш бродяга-садовник обычно громыхал своим яростным басом: «Не будь я адмиралом трех океанов, если этот юный разбойник не повергнет в трепет всю Британскую империю!»

– Это он о вас, Грей? – изумленно уставился Рольф на «корабельного любимчика».

– Представьте себе.

– Это вы, в его представлении, должны будете повергнуть в трепет «всю Британскую империю»?! – от души расхохотался капитан.

– Мне и самому смешно вспоминать его слова. Но в мальчишеские годы я так привык к «адмиралу трех океанов», что стал подражать буквально во всем. Ну а фраза эта, о «трех адмиралах», привязалась как-то сама собой.

– ...Не будь я адмиралом трех океанов! – попытался поддержать его Рольф, спародировав штурмана-садовника. – Кстати, в команде «Адмирала Дрейка» все еще нет штурмана. Правда, самой команды тоже пока еще нет, но ведь со временем она появится.

– Хотите предложить мне должность штурмана? – вежливо удивился Грей, останавливаясь на огромной каменной плите, похожей на круглый стол короля Артура, одна часть которого висела над прибрежным провалом, вторая – врезалась в поперечную расщелину между двумя глыбами.

– Не только хочу, но уже предложил.

– Но ведь совсем недавно...

– При этом чин лейтенанта остается за вами. Просто я решил, что проходя через должность штурмана, вы скорее окажетесь в каюте капитана одного из судов, чем проходя через должность начальника бомбардиров.

Грей задумчиво помолчал, а затем произнес:

– А ведь вы, пожалуй, правы, капитан. Очень мудрое решение, я о подобном подходе почему-то не подумал. Конечно, мне еще многому надо научиться...

– Только не стоит убеждать, что вы не в состоянии справиться с такими обязанностями, – добродушно прервал его Рольф. – Тем более что несколько уроков вы получите лично от меня, бывшего штурмана. А старшим бомбардиром мы назначим Вента.

– Вент будет так же счастлив, как и я.

– Значит, согласны.

– А вы, капитан, надеялись, что откажусь? – вновь улыбнулся Грей. – Меня одно удивляет: предлагая мне столь ответственную должность, вы даже предположить не могли, что все те полгода, которые вы проскучили в этом островном Эдеме, я провел в учениках опытного штурмана. Хотя и числился при этом юнгой, что совсем несправедливо.

– Что странного? Ежедневно выслушивая от своего штурмана-садовника: «Не будь я адмиралом трех морей!» (в этом месте к нему дуэтом присоединился Грей), вы, конечно же, не раз видели себя если не адмиралом, то уж, по крайней мере, штурманом или шкипером огромного парусника.

– Так оно и было, сэр, – блеснул лазурью своих по-женски смазливых, коварных глазниц Констанций Грей. – А вот Вент – и в самом деле бомбардир, так что и в этом случае вы не ошиблись, капитан.

– Какие странные предвиденья! Если так пойдет и дальше, я начну верить, что месяцы, проведенные на Острове Привидений, превратили меня в провидца.

– Так оно и произошло, господин барон, – восторженно произнес Грей. – Вам открылся дар Небес – ибо именно они специально завели «Адмирала Дрейка» в эту странную бухту, прямо под стены вашей пещерной обители. При этом смею вас заверить, что Вент и в самом деле прекрасный бомбардир. Так на судне считали все, включая капитана.

Однако, выслушивая восторги новоиспеченного штурмана, Рольф почему-то думал не о Венте – будь он хоть лучшим бомбардиром всех трех океанов, – а о самом Грее. Это были какие-то странные размышления. Капитан знал, сколько моряков, будучи по многу месяцев лишенными женских ласк, предаются содомскому греху мужеложства. Но, видя перед собой Грея, он об интимной близости с ним не помышлял. Тем не менее...

Все же ему в самый раз быть женщиной, только женщиной. Полжизни отдал бы, чтобы в облике Грея ему явилась женщина. Бред, понятное дело, но что ему еще остается в этой ситуации, как не бредить?

Рольф действительно соскучился по женщинам. Даже по виду их исстрадался. Ведь островному отшельничеству предшествовало несколько месяцев морских скитаний. Он и в самом деле забыл, как выглядит женщина, как пахнут и пленяют ее волосы, как игриво изгибается под жадной рукой ее стан.

– Хотите, скажу, о чем вы сейчас грезите? – неожиданно ворвался в его интимные бредни вкрадчивый голос Грея.

– Ну, поведайте-поведайте, коль уж вам не терпится блеснуть своим провидчеством.

– О женщине.

Рольф саркастически ухмыльнулся.

– Вы опять разочаровали меня, Грей. О чем еще может мечтать моряк, уже около года не видевший женских силуэтов? Конечно же, о хорошем портовом борделе.

– Не о борделе вы только что помышляли, капитан.

– О чем же?

– Сказал уже – о женщине, которая могла бы сейчас...

– Хватит! – резко и зло прервал его барон. – Вам что, не о чем больше говорить? По-моему, мы еще не выбрались с этого проклятого клочка суши.

– Простите, сэр, – и впрямь по-девичьи зарделся Грей, – но ведь говорил я с вашего согласия.

– Так будьте добры, с моего же согласия, помолчать!

Рольф недовольно взглянул на новоиспеченного штурмана, отвернулся и зашагал прочь, так и не решившись выслушать его дальнейшее гадание. А вдруг этот несостоявшийся «адмирал трех океанов» и впрямь научился вычитывать мысли?!

13

Еще полчаса блужданий по лесистой долине – и козья тропа вновь вывела моряков на прибрежную возвышенность, пологие склоны которой плавно спускались прямо к океану.

Места эти уже были знакомы Рольфу, и он умышленно повел Грея так, чтобы они оказались у руин хижины, служившей когда-то пристанищем двум спасшимся после кораблекрушения солдатам – судя по остаткам одежды, испанцам. Рядом с их лагерем сохранилось кострище, на котором эти несчастные были зажарены и тут же съедены. Их обглоданные, местами закопченные и обгоревшие кости Рольф сложил в скелеты, и так и оставил на песчаной россыпи

склона, чтобы эти «знаки судьбы бродяжей» видно было даже с моря. Как предостережение всякому, кто вынужден будет столкнуться с аборигенами.

При виде останков Грей брезгливо поморщился и, поеживаясь, взволнованным голосом спросил:

– Кто это был?

– Вот все, что осталось от испанских идалго после того, как они были «поданы к столу» гостеприимных туземцев.

– Боже, покарай этих людоедов!

– Не молитесь, не покарает. Когда они заводят свои танцы вокруг костра, на котором зажаривают очередного своего пленника, боги пиршествуют вместе с ними.

– То есть такое понятие, как гостеприимство, им не знакомо?

– Тот случай, когда хозяева не угощают гостей, а наоборот, лакомятся ими. Думаю, трапеза длилась недолго: обычно аборигены приближаются к острову как минимум на десяти пирогах, по четыре человека в каждой.

– И вам уже приходилось сталкиваться с ними?

– Была такая возможность. Но если бы она действительно состоялась, вам, Грей, пришлось бы собрать еще один костяк и уложить рядом с останками этих покорителей Нового Света.

– Даже страшно предположить нечто подобное, – удрученно пробормотал Грей. – Рад, что своим появлением вы избавили меня и Вента от подобной участи.

– От столь смелых утверждений я бы пока что воздержался, штурман. Если вдруг аборигены вновь нагрянут сюда, нам придется давать бой.

– Да, но вместе с вами мы действительно сумеем дать бой. А представьте, что произошло бы, если бы вместо вас у нашего пристанища появились дикари.

– Избавьте меня от подобных фантазий, Грей.

– Может быть, нам следует похоронить эти скелеты, как того требует христианский обычай?

– Пусть этим займется кто-нибудь другой, и чуть попозже. Обгоревшие кости у кострища – уже не просто останки, а важное послание всем тем морякам, которые волею случая окажутся на Острове Привидений.

– Тоже верно, – еще более удрученно согласился Грей и, пугливо поеживаясь, осмотрелся по сторонам. – Остров Привидений... Почему его так назвали?

– Наверное, кому-то что-то почудилось.

– Нет, раз уж назвали так... Может, само название это – тоже послание... с предупреждением? Вы ведь провели здесь целую вечность. Неужели ни разу не встречали?

– Кого? – довольно рассеянно поинтересовался Рольф. Он уже почти не слушал штурмана. Внимание его привлекли следы, оставленные кем-то на небольшой дюне, в нескольких шагах от скелетов. Это были отпечатки не босых ног аборигенов, а полуботинок или сапог. Оставлены они были европейцами, причем совсем недавно.

– Что вас так заинтересовало, капитан?

– По своей наивности, я все еще считаю остров необитаемым. Но, похоже, что очень скоро на нем будет так же многолюдно, как на припортовых улочках Бристоля. Если я верно понял, ни вы, Грей, ни бомбардир Вент до этих дюн не добирались, – и Рольф побрел по следу, уводящему сначала в сторону разрушенной хижины, а затем в сторону моря.

– И не могли добраться.

– К тому же их было двое. Один рослый и грузный, ходит, переваливаясь и кося на внешние стороны стоп. Другой семенил за ним мелкими, почти женскими шажками.

– Не может такого быть: женскими! Так уж и женскими! – почему-то возмутился штурман, словно само предположение о том, что на острове может оказаться женщина, каким-то образом оскорбляло его. – Я тоже не привык ходить быстро и большими шагами.

– Судя по тому, что постоянно отстаете... – хмыкнул Рольф. – Будем считать, что здесь тоже бродил юнга. Не в этом дело. Сейчас важно выяснить: что это за люди, как оказались на острове и где они теперь обитают. Может, вы ошиблись: на самом деле спасся еще кто-то из вашей команды?

– Тогда они вышли бы на берег неподалеку от нас. Но мы все осмотрели. И потом, каждый из них искал бы спасшихся так же, как искали мы: прежде всего – рядом с местом высадки.

Рольф молчаливо согласился с его доводами и продолжил осмотр. Нет, эти двое неизвестных «паломников» ни к мощам испанцев, ни к руинам хижины не приближались. Неподалеку от них тоже долго не топтались, а значит, просто проходили мимо, к тому же – торопились. Куда? Похоже, что к берегу, где их может ждать... А вот что их может ждать на берегу или у берега: шлюпка, корабль, плот? Лагерь, в котором расположились остальные члены команды?

Капитан обратил внимание, что появление здесь новых обитателей Констанция Грей совершенно не интриговало. Он как будто все еще не понимал, что самое страшное, что может произойти на необитаемом острове, происходит как раз тогда, когда на нем появляется еще один обитатель. Ибо ничто не таит в себе большей опасности для одинокого неприкаянного островитянина, чем появление еще одного... столь же неприкаянного и одинокого.

Когда они приблизились к руинам хижины, Грей решил задержаться возле них и даже старательно, хотя и неумело, уложил в створы стояков два нетолстых бревна, словно собирался заняться восстановлением этого пристанища.

– Представляю, как долго они трудились, возводя это свое жилище, – с романтической грустинкой произнес Грей. – Единственные спасшиеся после крушения, эти солдаты, очевидно, решили, что теперь им уже ничто не угрожает.

– Иначе не возводили бы свою хижину на открытой, просматриваемой с моря возвышенности, на которой туземцы просто не могли не заметить их. А обнаружив – не напасть. Прошли времена, когда всякий белый воспринимался аборигенами как явление небесного существа. Теперь оно их раздражает, и многие племена готовы скорее погибнуть, нежели допустить, чтобы европейцы окончательно утвердили на их территориях свое владычество.

– Вы слишком суровы к этим солдатам, капитан. Может, они и в самом деле вели себя неосмотрительно, однако их можно понять. Вдвоем, на диком острове...

– Вам, Грей, надо было бы податься в монахи или адвокаты.

– Я же, как видите, моряк, – отрубил штурман. И тут же попытался изменить тему разговора: – Бедный Гунн... Какая жалость, что он не видит костей испанцев. Ах, как обрадовало бы его это зрелище!

– Еще обрадует, – простил барон Констанцию его уловку. – Но, пытаясь восстанавливать хижину, думаете вы не о Гунне.

Грей тоскливо взглянул на Рольфа, на виднеющийся вдали залив и вновь перевел взгляд на руины.

– В отличие от вас, барон, мне не приходилось по полгода проводить в полном безлюдье, в дальнем закутке океана.

Рольф понимал его состояние: когда сам он впервые наткнулся на этот лагерь, то, несмотря на разбросанные неподалеку кости, долго не решался оставлять его: как-никак перед ним было человеческое жилье, хоть какое-то отражение того мира, от которого он оказался отрешенным. Хоть какой-то признак цивилизации. Совершенно очевидно, что молодой моряк чувствовал сейчас то же самое. Только из солидарности с ним, капитан подошел и безуспешно попытался водворить на место осевшую полуразрушенную дверь.

– Но вы-то жили не здесь, капитан.

– Нет, конечно.

– Хотя очень хотелось, поскольку никакого иного жилья обнаружить на острове не удалось.

– Если не считать пещеры неподалеку от Бухты Отшельника, то есть того убежища, где я провел почти три месяца. Перед входом в нее кто-то соорудил из бревен и камней нечто похожее на предкрепостной редут. Очевидно, какое-то время там жил какой-то солдат из одного из отрядов, которые в последнее время все чаще стали сопровождать торговые суда. Именно в форте я встретил пулями первых добравшихся туда туземцев.

– И сумели выстоять? – Рольф заметил, как в глазах Грея появился азарт юноши, приготовившегося выслушать какую-то захватывающую историю.

– Распугав их выстрелами, быстро перебрался незамеченным в другую пещеру, в которой они меня так и не смогли обнаружить и в которой я мог бы обороняться еще удачливее. Они же попросту решили, что я по лиане спустился вниз, к подножию, и бежал.

– Только-то и всего?

– Понимаю, вам хотелось бы чего-то более захватывающего, ледящего кровь. Такого, чего вам понарассказывает любой просоленный ветрами странствий джентльмен удачи.

– Вы хотя бы попытайтесь придумывать, – улыбнулся Грей. И вновь, в улыбке, в игривом движении плеч, в том, как, сказав эти слова, он повел головой, словно забрасывал за плечо растрепанные ветром волосы, барон уловил нечто такое... женственное, что было бы к лицу девушке, но казалось совершенно неестественным для морского бродяги.

Почувствовав что-то неладное, Грей недовольно повертел головой, как делал это всегда, когда разочаровывался в самом себе; затем, опустив голову, неуклюжей, нарочито небрежной морской походкой двинулся в сторону невысокого горного кряжа.

«Черт знает что он мог подумать о тебе в эти минуты, – в свою очередь смутился барон. Он знал, как часто в отношениях между некоторыми членами команды, особенно на пиратских кораблях, переходили черту общепринятых норм. И где гарантия, что этот смазливый полуюнга не воспринял внимание к нему как попытку завязать именно такие отношения... характер которых лично он, барон фон Рольф, никогда не одобрял. – Так что впредь постарайся быть с ним осторожнее и жестче. Как и подобает капитану. Но в то же время, черт возьми... Есть в нем нечто не только мальчишеское, но и слишком уж непозволительно женственное. Нелегко, наверное, приходилось этому парню на пиратском судне».

– Задумываясь, вы теряете осторожность, капитан.

– Почему вы так решили, штурман?

– Это же очевидно. Бредете, потупив голову, почти не смотрите по сторонам...

– Считайте, что в такие минуты полагаюсь исключительно на вас.

Грей улыбнулся и промолчал. Не мог же он объяснить капитану, что об осторожности заговорил только потому, что его угнетало молчание. Что более или менее спокойно чувствовал себя, лишь когда ощущал его физическую близость или хотя бы слышал его мужественный голос.

Капитан тоже не хотел обострять отношения. Ему тоже приятно было слышать голос попутчика, хотя его по-детски наивные суждения и страхи порой удручали опытного моряка. Ощувив, что Грей нуждается в общении с ним, барон хотел вновь заговорить с ним, однако не успел.

– Корабль! – вдруг всколыхнул напоенный влажным морским бризом и лесными травами воздух острова встревоженный голос Грея.

– Где корабль? – на полушаге споткнулся Рольф.

– Вон там, за скалой! Вернитесь, вы попросту не заметили его. А еще лучше, давайте поднимемся вон на тот перевал. Судя, по всему, корабль ползатонувший!

Поднявшись на перевал вслед за штурманом, Рольф и в самом деле увидел далеко впереди, у окаймляющего небольшую бухточку рифа, остатки корабля. Пройдясь по ним подзорной трубой, он довольно быстро уяснил для себя, что побитое штормом о подводные скалы рифа судно буквально развалилось на части, и теперь на банке каким-то чудом удерживалась лишь задняя часть его, с высоко приподнятой кормой, на которой еще виднелись орудия.

– Интересно, остался ли там кто-либо из команды? – все с той же встревоженностью спросил Грей.

– Пока не вижу.

– Может быть, вы и мне позволите взглянуть на него в подзорную трубу? – несмело попросил штурман. А получив согласие, столь же несмело взял ее из рук капитана.

И вновь Грей ощутил какое-то странное волнение, сходное только с тем чувством, которое познал во время первой юношеской близости с баронессой Юлией, смазливой, но невыносимо капризной особой из рода фон Шеннеров.

Пока Грей стоял, почти прикасаясь плечами к его груди, капитан едва сдерживал желание не просто притронуться к этим плечам, а заключить их в объятия и долго-долго не отпускать.

– Вы правы, капитан, – молвил тем временем Грей. – Никаких признаков жизни на палубах и в надстройках. В то же время трудно предположить, чтобы в такой близости от берега могла погибнуть вся команда.

– Правильно мыслите, штурман, – все еще едва сдерживая волнение, согласился Рольф. – Какая-то часть команды, несомненно, уцелела, и, как только шторм улегся, эти моряки, очевидно, переправились на берег. Среди них – и те двое, следы которых обнаружены нами у лагеря испанцев.

– Думаете, нам опасно встречаться с ними? – спросил Грей, возвращая капитану подзорную трубу и отходя чуть в сторону.

– Причем опасно в любом случае, кем бы они ни были. На таком диком острове лучше встретиться с самым страшным зверем, чем с самым тихим на вид человеком. Потому что, встречаясь со зверем, ты знаешь, что перед тобой зверь, поэтому ведешь себя, как и подобает в таких случаях. Но так трудно разглядеть зверя в человеке, который, уверяя тебя в дружбе, выжидает удобный момент для удара в спину!

– Однако возвращаться вы не намерены? – неуверенно поинтересовался Грей.

– Коль уж мы здесь, надо выяснить, что это за корабль и сколько моряков он подарил этому острову, – точно так же неуверенно предложил Рольф, сожалея, что расстался с Гунном.

Теперь ему уже было ясно, что ничего более важного для них Гунн не обнаружит, зато втроем они чувствовали бы себя увереннее.

– Вы правы, капитан, нам выпала роль следопытов. Все зависит от того, чей это корабль, под каким флагом забрел в прибрежные воды... Словом, приказывайте и рассчитывайте на мою поддержку. Как-никак, нас двое.

– Но вам-то хоть приходилось принимать участие в каких-либо стычках, Грей? – сурово спросил Рольф, вновь передавая подзорную трубу штурману. Они приблизились к месту крушения еще шагов на сто, и очертания корабля теперь казались намного выразительнее. – Только говорите правду.

– И даже в двух абордажных боях.

– В них участвовала команда вашего корабля. Меня же интересует ваш личный опыт, поскольку многие капитаны участие своих юнг в подобных атаках не приветствуют.

– Вы не правы, капитан. Я лично принимал участие в этих абордажных боях, – обиженно поджал четко очерченные, выразительные губы Констанций. – Да мне, как я уже говорил, пришлось сражаться даже на дуэли. Это правда, не будь я адмиралом трех океанов.

– Вы уже ошарашивали меня этим сообщением. Не сомневаюсь, что за ним таится потрясающая история.

– Во всяком случае – правдивая.

– И кто же тот несчастный, кто осмелился сразиться с вами?

– Некий, как он называл себя, «отставной пират». Это произошло в тот же день, когда мы бросили якорь в порту Ямайки. Видели бы вы эту дуэль!

– Вот как?! – с нескрываемой иронией осматрел Грея капитан. – И чем же она закончилась для вашего обидчика?

– Кажется, перед вами стою я, а не он, – вызывающе процедил штурман и, смерив Рольфа уничтожающим взглядом, припал к окуляру подзорной трубы.

– В самом деле, – невозмутимо признал барон.

– Э, да похоже, что это тот самый корабль, который атаковал нас. Корабль «каперов». Пример того, как порой стихия погибельно примиряет враждующих.

– Опять вы заговорили языком пастора, штурман.

– Скорее, языком поэта.

– Убирайтесь к дьяволу, – добродушно поморщился барон фон Рольф. – Лучше осмотрите пистолет. Ибо еще неизвестно, каким языком заговорят с нами уцелевшие пираты.

– Увидев нас, они вздрогнут.

Встретившись с озорным взглядом Грея, барон не выдержал и рассмеялся. Еще через мгновение они уже смеялись вдвоем.

– Жаль, что вы не девушка, Грей.

– Почему вдруг обязательно «девушка»?

– Или женщина, если такое определение устраивает вас больше.

– Не будем выяснять: девушка, женщина, – почти зарделся Констанций. – Вопрос в сути. Хорошо, был бы женщиной, что тогда?

– Извините, вам это шло бы... Есть в вас что-то такое... озорное, что ли.

– Ожидаете, что оскорблюсь и вызову на дуэль?

– Я ведь шутя. Кстати, эта, первая и единственная в вашей жизни, дуэль возникла из-за женщины?

– Из-за кого же еще она может возникнуть?

– Красивой?

– Думаю, что очень. Так мне казалось. Во всяком случае, допускаю.

– Что значит «казалось, допускаю...»? Вы что, никогда не видели ее?

– Видел, но со стороны всегда виднее. Как по мне, так она, должно быть, достаточно красива.

– То есть вы ее не любили? – спросил Рольф, вновь припадая к окуляру подзорной трубы.

– Ну, я... собственно... и не мог любить ее.

– Почему не могли? Только потому, что она замужняя? Для истинного рыцаря преградой это никогда не было.

– Да нет, она не замужняя, но...

– У нее появился другой? Которого вы сразили на дуэли?

– Тот, кого я сразил, всего лишь пытался неудачно шутить по поводу женственности той особы, честь которой мне пришлось защищать.

– Прежде чем послать вас к дьяволу еще раз, штурман, позвольте последний вопрос.

– Валяйте.

– Вы что, неплохо фехтуете?

– В чем убедились многие. Поскольку считали моего противника одним из наиболее яростных и упрямых дуэлянтов.

– Ну-ну... – примирительно согласился Ирвин. – Как-нибудь на досуге испытаю. Но только для того, чтобы убедиться.

– Лучше не надо. Не стоит.

– Угроза?

– Наоборот, сэр. Давайте заключим своеобразное соглашение... Ни я, ни вы никогда не будем вызывать друг друга на дуэль. Все будем стараться решать мирным путем. Что способно укрепить дружбу лучше подобного договора?

– Трусите, значит?

– Вы не поняли меня, барон: я ведь говорил о дружбе, а не о храбрости и трусости, – укоризненно напомнил Констанций Грей и, первым спустившись по крутому склону холма, подставил руки, подстраховывая капитана на случай падения.

15

«Испепели меня огонь святого Луки, в море эти проходимцы выйдут без меня, – пророчил себе Вент, тоскливым взглядом провожая удалявшихся капитана Рольфа и его людей. – Раненый, возле которого мне велено оставаться в роли сиделки, – всего лишь повод избавиться от меня, бросив на берегу. Капитан принял такое решение сразу же, как только мы с ним сцепились. Не убил только потому, что были свидетели, а якоря он пока еще не рубит. Рассчитывает предстать перед губернатором, вице-адмиралом и судьей если и не чистым, то, по крайней мере, без имен убитых и без свидетелей. А значит, неподсудным. Сын капитана... Аристократ. Таких, если и вешают, то уж, по крайней мере, мыла на веревку не жалеют».

Едва моряки скрылись за ближайшим холмом, Вент подошел к раненому, и, широко расставив ноги, долго смотрел на него, судорожно сжимая торчавшую из-за ремня рукоятку ножа.

Бомбардир понимал, что он не может и дальше оставаться здесь, у него попросту не хватит на это терпения, не хватит мужества. Если Рольф не убил его здесь, значит, и на корабле убить тоже вряд ли решится. А ему, Венту, нужно выбраться отсюда. Во что бы то ни стало – выбраться!

Два месяца тому назад, нанимаясь на корабль, Рой Вент твердо решил, что это будет его последний рейс. К чему тянуть? Кое-что он сумел накопить и припрятать. На Барбадосе у него появилась женщина, вдова офицера, которая владела несколькими большими участками земли и небольшой фермой, расположенной всего в двух милях от порта. Вент уже прикинул, что дом – каменный, двухэтажный, с замкнутым двором, обрамленным такими мощными пристройками, словно это не обычный сельский дом, а настоящий форт, – он построит почти на самом берегу океана. Причем где-нибудь на далеком, пустынном берегу. И даже место более или менее подходящее присмотрел – в долине, между горой и двумя холмами, со всех сторон укрытой от ветров, тихой и плодородной.

– Я все еще жив? – в клочья изорвал сеть его мечтаний нехстати оживший Самуэль.

– Жив, приятель, жив, – на корточках присел над ним Вент. – Только что-то не чувствуется, чтобы ты радовался этому благодостному известию, студент, изгнанный из всех университетов Европы.

В свое время «студентом, изгнанным из всех университетов Европы», Самуэла нарекал капитан. Что, однако, не мешало ему объявить изгнанника корабельным доктором.

– А где... все остальные? – раненый едва выговаривал слова. Они давались ему с трудом, болью и кровью. Каждое движение груди как бы заново вскрывало все еще не затянувшуюся рану. Его мучили жара и жажда, а жизнь неумолимо уходила вместе с кровью, которая все обильнее орошала повязку.

– Остальные уже мертвы. Остались только я и Грей. Ты ведь был в сознании, когда мы добрались до берега.

– Грей, говоришь? Он все еще жив? Припоминаю. Слава богу.

– Что это ты возрадовался, приятель?

– Он принесет мне еще немного воды.

– Вряд ли.

– Воды приносил Грей, он приносил... Теперь я хорошо припоминаю...

– Может, и приносил, но больше не принесет. Он ушел, твой Грей.

– Куда... ушел?

– Искать пищу, а заодно осмотреть остров. Вообще ушел... – раздраженно объяснял Вент, сожалея, что напомнил ему о Констанции. – Мы повздорили, подрались, и он ушел. Так что вот как, испепели меня огонь святого Луки!..

Самуэль жалобно всхлипнул, словно оплакивал уход своего спасителя, и умолк. Широко открытые глаза его источали обреченность и отчаяние. Он понимал, что Вент не будет ни добывать для него воду, ни перевязывать, как это делал Грей. Парень лишь недавно стал пиратом, душа его еще не успела очерстветь в бесконечных стычках, ссорах, дуэлях и убийственных штормах.

В понимании Грея жизнь товарища по команде еще чего-то стоила... хоть чего-то – да стоила. Все остальные, в том числе и Вент, всегда оставались одинаково безжалостными и к врагам, и... к самим себе. Впрочем, он, Самуэль, бывало, представлял перед оком сего мира почерстнее и бездушнее любого из них – тут уж ничего не отнять.

– А почему не ушел ты, Вент?

Бомбардир чуть было не проговорился о том, что остался по приказу капитана Рольфа, однако вовремя сдержался. Раз Самуэль вспоминает только о Грее, значит, всю историю с появлением Рольфа и Гунна он пробредил. Так стоило ли посвящать в нее умирающего, объясняя, откуда взялся капитан?

– Так почему ты остался со мной, Вент? – повторил свой вопрос несостоявшийся теолог-еретик.

– Ты как будто не догадываешься. Чтобы не оставлять тебя наедине с местным зверьем и туземцами-людоедами.

– ...Неправда, Вент. С такими мыслями со мной мог остаться только Грей. – Он немного помолчал и сквозь стон проговорил: – Грей мог бы, а ты – нет. И я тоже не мог бы. Потому что такие уж мы с тобой... Совершенно не похожие на этого парня с истинно христианской душой.

– Ты, старина, прав: мы с тобой давно забыли и о Христе, и о душе, испепели нас обоих огонь святого Луки, – жестко, без тени покаяния в мыслях и голосе, молвил бомбардир.

– Значит, остался, ты, Вент, только для того, чтобы прикончить меня? – спокойно, и даже с едва уловимой надеждой в голосе, спросил Самуэль.

Еще полтора года назад Самуэль действительно был студентом Падуанского университета и готовился к карьере философа и теолога. Но был изгнан за ересь – вначале из университета, а затем как иностранец, англичанин и из города.

Но тогда еще Самуэлю и не снилось, что корабль, на который он нанимался помощником кока, чтобы благодаря этому добраться до Англии, уже через неделю будет превращен взбунтовавшейся командой в пиратский.

– Ты на моем месте разве поступил бы иначе? – донесся теперь до его слабеющего слуха голос этого проходимца Вента.

Самуэль не знал, как он поступил бы, окажись на месте Роя Вента. Не думал над этим, да и сейчас ему было не до размышлений по поводу жестокости, человечности и прочих зол и благодетелей людских.

Однако он помнил, что, когда полгода назад Вент был ранен в ногу стрелой туземца, выхаживал его именно он, Самуэль, ставший, за неимением врача, еще и корабельным «доктором». Неужели Вент успел забыть об этом? Он не знал, как поступил бы на месте Вента, но именно поэтому довольно твердо укрепил его в жестокости намерений:

– Ты прав. Поступил бы точно так же.

– Не погибать же мне тут, вместе с тобой, приятель. Будь это на корабле, я, возможно, еще поколдовал бы над тобой, а так...

«Нет, ничего он не забыл, – облегченно вздохнул Самуэль. – Хотя память ни к чему не обязывает его».

– Это ведь необитаемый остров?

– Похоже на то. Однако на соседних островах полно туземцев. И, если достанемся им, – сожрут нас полузажаренными, испепели их огонь святого Луки.

– Но все же ты надеешься каким-то образом спастись...

– Если только ты умрешь. Так уж распорядилась судьба, что мое спасение, испепели меня огонь святого Луки, в твоей смерти.

– Лучше мне было бы не приходиться в себя.

– Лучше? Еще как «лучше»... – Раздражение в голосе Вента исчезло. Вместо него появились какие-то благодушные, пасторские нотки.

– Только... не ножом. Мне страшно.

– Это произойдет без ножа, студент.

– Ты прав, лучше пристрели!

– Будто не знаешь, что теперь каждый пистолетный заряд – на цену жизни. Не бойся, все случится быстро и бескровно. Закрой глаза.

И не успел Самуэль сомкнуть веки, как в шею его тотчас же вцепились толстые узловатые пальцы Вента.

– ...А там уж Господь пусть разбирается, – вместо молитвы проговорил бомбардир над телом убиенного, – чему ты должен был учиться по-настоящему: пасторской смиренности или пиратскому буйству.

Затащив труп Самуэля на обрыв, Вент столкнул его в море и сразу же бросился вдогонку за Рольфом и его спутниками.

Еще через полчаса ему удалось заметить фигуру человека, поднимающегося на невысокий каменистый перевал, с которого можно было осмотреть обе части мыса. Как потом выяснилось, это был Гунн. Ни окликать, ни ускорять шаг Вент не торопился, предоставляя событиям право развиваться не по людской воле, а по воле рока.

«Если он откажется принять меня в свою компанию, то, испепели меня огонь святого Луки... удушу, как только что удушил недоученного студента, – наметил план своих действий Вент. – Не моя вина в том, что жизнь на Острове Привидений измеряется не количеством дней, а количеством оставленных тобой мертвяков».

16

Первое, что они увидели, спустившись в бухту, – спину человека с почти по колено оторванной ногой. Он лежал, уткнувшись лицом в песок, но так, что левая, целая, и обрубок правой ноги оставались в воде.

Приподняв за седоватые волосы его голову, капитан заглянул страдальцу в лицо и, убедившись, что оно принадлежит мертвецу, мягко, почти благоговейно уложил голову на плоский, омытый волнами камень.

– Это ему что, оторвало ядром? – с дрожью и отвращением в голосе спросил Грей.

– Не похоже. Уже где-то здесь, на мелководье, на него напала акула.

– Кошмарная смерть, – поморщился Грей. – Странно, что у него еще хватило мужества доплыть до берега.

– В страхе и горячке такое случается. Трагедия произошла несколько часов назад. Видишь, никаких следов крови.

– Д-да, никаких...

– Очевидно, его прибило к берегу уже мертвым и обескровленным. Или, может, затащил сюда кто-то из товарищей.

– Надо бы предать его земле...

– Если так пойдет и дальше, очень скоро мы превратимся в могильщиков Острова Привидений, что, в общем-то, в мои планы никогда не входило.

Чтобы не превращаться в этого самого могильщика, Рольф затащил погибшего подальше на берег, затем доставил к ближайшей возвышенности и, насыпав ему за пазуху песка, сбросил тело в море.

Грей в это время осматривал изогнутую каменистую косу. Кроме всего прочего, занятие это избавляло его от необходимости помогать капитану.

– Здесь следы! – объявил он как раз тогда, когда барон окончательно избавился от мертвеца. – Человеческие.

– Много их?

Ничего не ответив, Грей старательно обследовал довольно большой участок песчаного побережья; пригибаясь, словно принимаясь к следам, прошелся по травянистому склону его и только тогда заключил:

– Двое! Здесь прошло не более двоих. Причем обувь одного из них – маленького размера и шаги помельче. Очевидно, это шел юнга, на следы которого мы уже натыкались.

– Или женщина, – поспешил к нему капитан, а наткнувшись на первые следы, добавил: – В любом случае, здесь были те же двое, что и возле лагеря испанцев.

– Вам везде грезятся женщины, капитан.

– Мы ведь уже выяснили, что после шести месяцев, проведенных в полном одиночестве на безлюдном острове, вам ни с того ни с сего начнет грезиться даже Дева Мария. Тем более, что до того, как попасть сюда, я несколько месяцев провел в плавании. И вообще, странное замечание, Грей.

– И все же уверен, что это не женские следы, – молвил штурман после некоторой паузы. – Во всяком случае, на женские они совершенно не похожи, – ему явно хотелось огорчить Рольфа. Разочаровать и разуверить до полного огорчения.

Подойдя к тому месту на склоне, где Констанций исследовал следы островных невидимок, барон несколько секунд внимательно осматривал именно те, которые могли принадлежать юнге или женщине, но, так и не вынеся окончательного вердикта, двинулся вслед за ними по склону, туда, наверх, к тропическим зарослям. Обрывались они на самой вершине, в разрывающих кустарник каменистых россыпях, за которыми начиналось обширное скалистое плато. Было ясно, что эти двое решили основательно исследовать остров в попытке обнаружить питьевую воду и местность, пригодную для лагеря.

– Позвольте, капитан, а где же то, на чем они прибыли на берег? – спохватился Грей. – Шлюпка или какой-нибудь плот?..

– Верно, ничего нет, – задумчиво признал барон. Однако думал он сейчас не об этом.

Лишь небольшая скалистая долина отделяла плато от того горного массива, на краю которого находилась одна из пещер, где они с Гунном временно спрятали значительную часть сокровищ. Конечно, отыскать ее этим двоим пришельцам будет непросто; однако случай есть случай. Он-то и способен вывести бродяг к тайнику. К тому же эти бродяги могут добраться до Бухты Отшельника и в конце концов оказаться на борту «Адмирала Дрейка» раньше него,

капитана. Что помешает им потом заявить свои права на фрегат, а значит, диктовать условия «приема на службу»?

– Чего очень не хотелось бы, – проворчал Рольф, вслух завершая свои сумбурные размышления и предчувствия. От одной мысли, что кораблем может завладеть кто-то иной, его бросало в холодный пот.

– Не хотелось бы, чтобы они обнаружили вашего «Адмирала Дрейка»?

– Теперь уже нашего «Адмирала Дрейка».

– Вряд ли. Скорее всего, они уже вернулись на свой полузатопленный корабль, чтобы передохнуть там, запастись провизией и смастерить большой плот, – предположил Констанций.

– Правильно, на их месте так вел бы себя любой другой моряк. Но следы-то уводят туда, на плато.

– Они обследовали его, затем спустились к океану, к припрятанной где-то неподалеку шлюпке, и вернулись на борт.

– Хотелось бы надеяться, что именно так оно все и произошло. А то ведь эти безумцы морей действительно могут оказаться на «Адмирале Дрейке» раньше, нежели мы с вами. И объявят корабль пиратским. Мы ведь не собираемся пиратствовать, штурман Грей?

– Ни в коем случае, сэр. Если только сами не пожелаете поднять над «Адмиралом» Веселый Роджер.

– Странная у вас логика, мистер Грей. И никаких убеждений. Правда, при этом вы демонстрируете преданность, но...

– Их всего двое, капитан. Неужели они сумеют без боя захватить ваш корабль?

– Что тут уметь, если на борту «Адмирала» не осталось ни одного человека.

– Как это «не осталось»? Вы всех отпустили на берег? Не оставив на борту даже вахтенной охраны?

– Уже хотя бы потому, что формировать эту, как вы изволили выразиться, вахтенную охрану, было не из кого.

– Потому что остатки команды взбунтовались?

– Извините, Грей, но придется посвятить вас в тайну, которая и так очень скоро перестанет быть ею: дело в том, что весь экипаж «Адмирала Дрейка» состоял из меня и... боцмана Гунна. Надеюсь, вы понимаете, зачем понадобилось скрывать этот прискорбный факт, когда мы вынуждали вас и ваших товарищей сдаваться?

Этим сообщением Грей был шокирован. Несколько минут он провел в напряженном молчании, попросту отказываясь верить капитану.

– В таком случае мы действительно в опасности, – наконец признал он.

– Остается лишь уповать на то, что пираты окажутся у корабля позже, нежели Гунн и Вент. Или же вообще уйдут в другую сторону. Поэтому сначала попробуем добраться до покинутого ими самим корабля, чтобы выяснить, что там небо оставило нам в наследство. Ведь кто знает, не появится ли здесь вскоре судно пиратов или какой-либо военный корабль. Отсюда не так уж и далеко до Ямайки⁴.

– Послушайте, капитан, а ведь на остатках их корабля должен кто-то быть. Просто он не торопится открываться нам.

– Почему вы так решили, штурман?

– Очевидно, их оставалось четверо. Один попытался добраться до берега вплавь и погиб при нападении акулы. Затем оставшиеся смастерили плот. Двое высадились на берегу, а третий увел плот на корабль, чтобы после их возвращения подать его к «причалу».

---

⁴ С 1665 г. островом владели англичане. К началу XVIII в., когда происходят описываемые в романе события, Ямайка уже была не только самым крупным опорным пунктом английской короны в ее борьбе за господство в Вест Индии, но и самой важной базой английских пиратов. И английские военные корабли, и английские пираты с одинаковым упорством противостояли здесь владычеству испанцев, вступая при случае в схватки также французскими и португальскими кораблями.

Выслушивая версию Грея, капитан уже вновь пристально всматривался во все то, что осталось от некогда большого – судя по размерам кормы – корабля. Обнаружить плот ему не удавалось, но барон допускал, что пират попросту завел его в полузатопленную часть судна, чтобы быть спокойным за сохранность своего творения.

Станным казалось только то, что матрос до сих пор не заметил их. Однако этому тоже могло быть множество объяснений. И одно из них уже высказал штурман Грей: страх. Или же мудрая осторожность.

Разгадка пришла сама собой. Тронув его за плечо, Грей заставил капитана оторваться от подзорной трубы и взглянуть в сторону небольшого гористого мыса. Из-за него медленно выходила шлюпка, в которой восседал только один человек.

– Оказывается, все очень просто, – объяснил самому себе и штурману капитан, быстро спускаясь назад, к побережью. – Двое действительно отправились на поиски воды и места для будущего жилья, третий же, поджидая их, осматривал окрестные берега.

– Значит, на корабле может быть еще один.

– Не будем гадать. Пришла пора развязывать и этот узел. Эгей, на шлюпке!

Сидевший к ним спиной моряк от неожиданности забыл о веслах и, резко оглянувшись, медленно приподнялся. Поначалу он, очевидно, принял их за своих товарищей, но очень скоро присмотрелся и понял, что на берегу чужаки.

– Кто вы такие?! – отозвался моряк на английском.

– Моряки, как и ты!

– Вижу, что моряки, – пришелец не спешил поворачивать шлюпку к берегу, хотя входил в просвет между ним и кораблем в каких-нибудь двадцати взмахах весел от песчаной отмели. – Откуда вы?! С какого корабля? У острова нет ни одного судна.

– Ты в этом уверен? И мы тоже не уверены, – объяснил Рольф его молчание. – Я провел здесь более шести месяцев! Один, на безлюдном острове!

– Сейчас таких «аборигенов» можно встретить на любом из необитаемых островов океана. Раньше смутьянов вешали, не задумываясь, а теперь капитаны почему-то предпочитают высаживать их на острова. Веяние, говорят, такое. Лучше, скажи, где ты обитал до высадки!

– Служил на английском военном корабле «Король Ричард», погибшем в бою с испанской эскадрой!

– Так ты с «Короля Ричарда?!» – вновь забыл о веслах моряк. – И кто же там был капитаном?

Прежде чем ответить, Рольф и Грей сбегали по склону к прибрежной полосе.

– Джеймс О'Кенли. Ирландец. А штурманом – Питер Молбрайт! Эти имена что-нибудь говорят тебе?

– Только то, что и в самом деле командовал кораблем ирландец О'Кенли по прозвищу Сварливый Ирландец. А штурманом был Молбрайт. По прозвищу Пьяная Сова. Попробовал бы ты назвать другие имена, и с тобой, якорная твоя душа, все было бы ясно!

– Теперь мы можем доверять друг другу и нам есть о чем поговорить. Так что причаливай к берегу.

– Но ты еще не назвал себя!

– Я – Ирвин Рольф. Лейтенант с этого корабля.

– Даже лейтенант? Терпеть не могу лейтенантов. Но, может, ты действительно славный парень. А кто это рядом с тобой? – указал пришелец в сторону Грея.

– Матрос с погибшего каперского судна, – приблизился Рольф еще ближе к океану.

– Каперского или пиратского?

– С каперского, приятель! Но сейчас это особого значения не имеет. Все мы теперь – заложники Острова Привидений, а потому спастись должны сообща.

– На чем спастись, джентльмены? На остатках нашего «Нормандца», который вряд ли продержится дольше ближайшего прилива, не говоря уже о шторме?!

– Поэтому-то их и следует поберечь. Или хотя бы снять с них то, что еще можно добыть в незатопленной части кормы.

– Не могу не согласиться, джентльмены! Так и должны поступать истинные моряки, превращаясь в островитян.

– Мы с Греем видели свежие следы. Похоже, что двое ваших ушли в глубь острова?

– Верно, ушли!

– И как скоро вернутся?

– Как получится! Если у них что-то случится, прозвучит выстрел. Однако выстрелов пока что не слышно.

– Прежде всего нам следует позаботиться о создании лагеря прямо здесь, на берегу, куда можно будет перевезти все, что осталось на корабле. Того и гляди, разразится шторм.

– Согласен, джентльмены! – и на сей раз не стал возражать пришелец, однако причаливать все же не торопился.

17

Пока Рольф вел эти свои переговоры со все еще державшимся на почтленном расстоянии от берега пиратом, Грей, так ни слова и не произнеся, вошел в воду и побрел к шлюпке. Сделал он это как раз тогда, когда пират обратил свой взор на остатки корабля, пытаясь таким образом убедиться в мудрости совета Рольфа. Именно поэтому приближение Грея он заметил слишком поздно: тот уже стоял по грудь в воде, почти вплотную приблизившись к носу шлюпки.

Заподозрив неладное, пират схватился было за весла, однако Грей бросился к нему, вцепился в борт и, с силой рванув его на себя, направил шлюпку к прибрежным камням, между которыми стоял теперь капитан.

– Ты что, парень?! – попытался было владелец шлюпки воспротивиться захвату, но, пока он добывал из-за пояса свой абордажный палаш, Грей резко накренил шлюпку, и, потеряв равновесие, пират плюхнулся в воду, вонзив при этом клинок в илистую отмель.

Воспользовавшись этим, Грей выхватил саблю и дважды с силой ударил пирата рукоятью по затылку. А еще через несколько секунд Рольф уже помогал вытаскивать обмякшее, худосочное тельце странника морей на берег.

– Это было слишком рискованное нападение, Грей.

– Почему бы вам, капитан, не сказать: «Точно рассчитанное»?

– Потому что вы могли все испортить.

– Извините, сэр, что сорвал столь важные для вас переговоры, – насмешливо укорил его в многословии штурман, завладевая оружием пирата. – Что-то мне показалось, будто они слишком затянулись.

– Потому что договариваются не на час, а, возможно, на всю жизнь. И цена подобных переговоров тоже порой оценивается на вес жизни, – как можно внушительнее объяснил ему Рольф.

– Но что-то ваше красноречие не очень-то разжалобило проходимца с «Нормандии», явно готовившегося удрать на корабль.

– Не мог же я сразу стрелять в него. А иного способа заманить на берег не существовало. Но согласен: вы нашли прекрасный выход, – неожиданно сдался Рольф. – Иначе кто знает, как повел бы себя он в следующую минуту. Теперь же, когда «нормандец» оказался на земле, мы поговорим с ним на равных.

– Теперь, когда он оказался на берегу, нам следует как можно скорее сесть в шлюпку и переправиться на судно. Вернувшись из экспедиции, те двое бродяг будут приятно удивлены, узнав, что на корабле уже появилась своя команда.

Не дожидаясь согласия Рольфа, Грей ножом вырезал из рубашки пирата четыре полоски, быстро соединил их по две, и одной такой «веревкой» связал ноги пирата, другой – руки.

– Да вы, оказывается, бывалый моряк, Грей!

– Просто так уж случилось, что мне попались очень суровые учителя. И, поверьте, у них – в отличие от вас, лейтенант королевского флота, – было чему поучиться.

– Но-но, штурман Грей, не забывайтесь!

– Мы ведь условились: без дуэлей.

– Однако я не позволю злоупотреблять нашим союзом.

– Как бы вы теперь ни воспринимали этот союз, он освящен нашими общими приключениями на Острове Привидений. А ничто так не роднит людей, как приятные воспоминания. Что вы стоите? Заслушались?

– Ох, вы ж и наглец, Грей!

– Спасибо, за комплимент. А теперь помогите затащить этого бродягу на шлюпку и налегайте на весла. Уж извините, что приходится командовать вами.

– Покомандовать капитаном всегда приятно, – проворчал Рольф, подхватывая пирата за плечи.

– Капитаном вы станете тогда, когда мы окажемся на «Адмирале Дрейке». Но пока что этого вашего «Адмирала» я и в глаза не видел. Даже не уверен, что он в действительности существует. Как не существует и его мнимой команды. Я прав?

– Допустим, – проворчал Ирвин.

– А в шлюпке и на «Нормандце» мы оба – всего лишь простые матросы, – взялся Грей за ноги пришельца.

– И все же, напрасно вы усомнились в существовании «Адмирала Дрейка»!

– Всего лишь хотел показать, что у меня есть основания сомневаться. И вы это уже признали.

«А ведь он перехватывает инициативу», – недовольно отметил про себя Рольф, чувствуя, что в нем зарождается нечто среднее между недовольством и опасением: как бы этот скиталец океанов не восстановил против него остальную часть все еще несостоявшейся команды.

– Не тревожьтесь, барон, – уловил его состояние Грей, укладывая ноги пирата на бак шлюпки. – В присутствии Гунна, Вента и всех остальных я буду относиться к вам с самым яростным почтением.

– Простите, с каким почтением? – пристраивал Ирвин на шлюпке остальную часть туловища бродяги, все еще стоя при этом на мелководье.

– С самым яростным.

– Тогда конечно... Это будет убедительно.

– И пусть только кто-либо из них посмеет отнестись к вам как к капитану без должного послушания!

– В вашем присутствии никто этого не посмеет, – уже откровенно издевался над ним Рольф. – Пока вы живы, никакие корабельные бунты мне не угрожают.

– Вот теперь мы окончательно поняли друг друга, – почти победно улыбнулся Грей озорной мальчишеской улыбкой. А как только капитан забрался в шлюпку, хотел молвить еще что-то, но вместо этого вскрикнул от ужаса.

Прямо на них, как бы атакуя, шла огромная акула. Вспахав волну буквально под веслом капитана, она развернулась у самых камней и, обойдя шлюпку со стороны кормы, вновь ринулась в атаку. Однако Грей уже смотрел не на нее, а на целый рой более мелких акул, устроивших ритуальную пляску вокруг гибнущих останков корабля.

– С чего это они вдруг? – с дрожью в голосе спросил он капитана.

– Видимо, еще недавно здесь было кем поживиться. Нога того несчастного – не единственный трофей, доставшийся им у борта «Нормандца».

Акула-предводительница вновь прошла так, что чуть было не вспорола плавниками борт шлюпки, и морякам оставалось лишь молить Бога, чтобы во время следующего захода она не вильнула хвостом или кинжальным ударом не протаранила их ветхое суденышко насквозь.

– Очевидно, при крушении здесь погибло немало людей, и акулы действительно пировали, – согласился Грей. Молчать было страшнее.

Тем временем гроза океана вновь развернулась и пошла наперерез шлюпке, пытаясь не подпустить ее к корме корабля. Но это уже было слишком. Выхватив саблю, Грей врубился ей в голову. Вырвать клинок из тела он уже не сумел, и акула так и ушла с ним в сторону корабля.

– Что ты наделал?! – холодно возмутился капитан. – Теперь эти твари растерзают ее вместе с нами!

– Пусть пируют, но уже без нас. Туша им достанется солидная.

– Почувствуй кровь, они взбесятся.

18

Их действительно спасло только то, что Рольфу удалось быстро обогнуть корму и прижаться к левому борту «Нормандца». Буквально через несколько мгновений по ту сторону небольшого рифа, за который ушла слабеющая раненая акула, вода закипела от множества акульих тел. Набросившись на истекающую кровью подругу, хищницы устроили настоящий пир.

Созерцая его, Рольф оставался доволен. Обреченная акула отвлекла остальных рыб от осады, позволив ему вогнать шлюпку прямо в разбитый трюм корабля. Выяснилось, что «Нормандец» не развалился на две части, как это представлялось, когда моряки смотрели на него с берега, а просто кормовая часть его оказалась раздробленной и посаженной на риф, в то время как носовая уцелела и покоилась на отмели, так что по ней легко можно было передвигаться.

– Странно, что судно почти развернуто кормой к берегу, – пробубнил Грей, цепляясь за фальшборт и проворно вскарабкиваясь на судно.

– Завидев опасность, капитан, наверное, приказал развернуть корабль, чтобы легче было противостоять волне, – принялся разгадывать Рольф секрет капитанского маневра, все еще оставаясь при этом в шлюпке. – Однако его понесло бортом на риф и швырнуло на скальную отмель. Теперь он сидит настолько прочно, что вряд ли прилив сумеет снять его отсюда. Разве что сорвет или окончательно разобьет ураганный шторм.

– Эй, не забудьте поднять на борт меня! – неожиданно ожил связанный пират.

Он пришел в себя еще во время первой атаки акулы, но до поры до времени молча наблюдал за действиями своих пленителей, стараясь не раздражать их, дабы не подтолкнуть к мысли, что от него пора избавиться.

– А почему ты считаешь, что мы обязаны это сделать? – поинтересовался Грей.

– Для чего-то же вы доставили меня на борт, а не прикончили прямо на берегу.

– Если только ты откажешься войти в команду капитана Рольфа, мы оставим тебя в виде приманки для акул! – выдвинул свое условие Грей.

– Капитана Рольфа?.. – болезненно поморщился пират. – В команду? Капитан Рольф – это вы, сэр? – обратился он к барону. – Ах да, припоминаю, припоминаю. Но...

– Припоминай скорее, – подбодрил его Грей. – И постарайся убедить меня как штурмана, которому капитан поручил формирование команды, что ты действительно будешь полезен нам на судне.

– Разве я отказывался войти в состав вашей команды, капитан? – сипловато проканючил пират, привалившись спиной к борту. – Я ведь слова не успел молвить, как этот мерзавец, – кивнул он в сторону возившегося с канатом Грея, – саданул меня по башке.

– И правильно сделал. – Рольф поймал конец каната, пропустил его через причальное кольцо на носу шлюпки и завязал двойным узлом.

– Не скажу, чтобы моя голова оценивалась так же, как голова губернатора Ямайки, но все же не стоило ее вот так вот...

– Если не заткнешься, – прикрикнул Грей, – она будет стоять одной-единственной петли прогнившего каната. Ты понял меня, бездельник? Проверьте, сэр, насколько прочно он связан, и пусть пока остается в шлюпке, чтобы не путался у меня под ногами. Кстати, вот еще веревка, – бросил он кусок нетолстого каната Рольфу, – попрочнее свяжите ему руки и привяжите к причальному кольцу: пусть отогреется на солнце, пока мы осмотрим судно.

– Да не слушайте вы его, сэр! – вновь взмолился пленный, покорно, однако, подставляя и без того прочно связанные руки под его веревку. – Зачем превращать меня во врага? Мы здесь одни. Вокруг никого. Нам вместе нужно сколотить плот и добираться до соседнего острова.

– В гости к туземцам-людоедам, – прокомментировал это предложение Грей. Он стоял у надстройки и, подбоченясь, следил за тем, как Рольф не очень охотно и столь же неумело возится, связывая пирата.

– Тебя как зовут?

– Том, джентльмены. Матушка моя не очень-то мудрила над выбором имени.

– Согласен, не мудрила. А каково прозвище?

– Лорд-Висельник, если изволите.

– Как-как?! Только не ври!

– Меня действительно зовут Лордом-Висельником. Правда, кое-кто предпочитает называть Внебрачным Лордом.

Грей и Рольф дружно рассмеялись.

– Никогда не встречал более идиотского прозвища, – объявил Грей. – «Висельник» – это понятно. Это у тебя на лбу клеймом выжжено.

– До сих пор не замечал, но если вы так считаете, штурман...

– Только при чем здесь «лорд»?

– С этим связана целая история, сэр, – обращался Том исключительно к капитану. – Когда-нибудь, на досуге, расскажу ее.

– Для моего боцмана Гунна с его любимой поговоркой: «Якорь тебе под виселицу», ты окажешься неоценимым приобретением, – молвил Рольф, потуже стягивая веревку и завязывая узел.

– А все же интересно: за что тебя называют Висельником? – не устоял перед любопытством Грей. – Пиратов ведь и так все называют «висельниками». Чем ты особо отличился перед остальными?

– Все очень просто, сэр, – хотя вопрос был задан Греем, Том демонстративно не признавал его. – Однажды на берегу меня захватили испанцы. Они очень торопились, потому что с минуты на минуту должно было подоспеть подкрепление. Я был третьим, кого сии мерзавцы повесили на одной ветке с двумя предыдущими казненными. Но едва палач сел на коня, как ветка обломилась и я оказался на земле. Со связанными руками, под телами своих товарищей. Так как же друзья могли прозвать меня после того, как извлекли из-под рухнувшей виселицы? Конечно же, Висельником.

– Правдоподобно, как считаете, капитан Рольф? – спросил Грей голосом городского судьи.

– Однако прозвище-то его Лорд-Висельник, – напомнил Ирвин.

– И мне еще не приходилось слышать, чтобы висельников именовали лордами, – объявил Грей. – Или, наоборот, лордов – висельниками.

– Позволю себе возразить, – проворчал Том, – что среди лордов больше настоящих висельников, нежели среди пиратов.

– Попробуешь убедить в этом королевского судью Ямайки. А заодно объяснить, по какой такой наглости присвоил себе титул лорда.

– Видите ли, джентльмены, если бы вы предложили мне сейчас кружку хорошего рома, – связанный уселся так, чтобы упираться спиной о борт, – то услышали бы рассказ о том, что когда-то я и сам командовал небольшим вспомогательным четырехпушечным барком, на котором однажды даже удалось захватить большой испанский галеон.

– Ну, эти байки мы слышали, – проворчал Рольф, хватаясь за фальшборт. – На четырехпушечном барке... Большой испанский галеон. На котором кроме команды находилось не менее пятидесяти солдат сопровождения...

– Утверждают, что их было около сотни, сэр. Но видит Бог, что я не вру. Так уж сложились обстоятельства. Я действительно умудрился захватить этот галеон, после чего испанский король назначил за мою голову такое вознаграждение, что за него можно было приобрести еще один барк. Я уж даже подумывал: не отнести ли мне самому собственную голову прямо в резиденцию губернатора.

– И что же вам помешало, сэр? – язвительно поинтересовался Грей.

– Мне не повезло. Через месяц мой барк оказался окруженным тремя «испанцами». Каким-то чудом нам все же удалось прорвать блокаду и проскочить между островками. Однако барк пришлось оставить, так как он был буквально изрешечен ядрами испанцев, гореть им в аду. Мало того, они начали преследовать нас даже на берегу. Но знаете, кто сумел нас спасти? Никогда не угадаете. Капитан Миссон⁵. Да-да, сам капитан Миссон. Это вам уже не какие-то там пиратские побасенки.

– Вам приходилось встречаться с капитаном Миссоном? – искренне удивился Грей, и Лорд-Висельник впервые почувствовал, что парень наконец-то поверил ему.

– Вы слышали, капитан Рольф? Этот оборванец интересуется, приходилось ли мне встречаться с Миссоном? – горделиво ответил обладатель бесценной головы.

– Не «оборванец», а штурман, – осадил его капитан. – И побыстрее завершай свой рассказ, если и в самом деле мечтаешь о паре глотков рома.

– Вы были бы ближе к истине, джентльмены, – все так же вальяжно продолжил свое повествование Том, – если бы спросили, приходилось ли Миссону встречаться с капитаном Лордом-Висельником. Да, господа, тогда вы были бы ближе к истине, поскольку в те времена слава моя была не меньшей. Это вы слышите от меня, Лорда-Висельника.

Грей уже заметил: о чем бы ни говорил Висельник, он пытается говорить с пафосом и аристократическим высокомерием. Но поскольку это его высокомерие очень уж не вязалось с порядком изношенной одеждой, поросшим грязной щетиной лицом и обрамленной жиденьким венцом лысиной, то и выглядело оно комическим.

– Ну, хорошо, Висельник – это понятно, убедительно, – иссякло терпение Ирвина Рольфа. – Но почему вдруг «лорд»?

---

⁵ Миссон – известный пират, предводитель джентльменов удачи конца XVII столетия. Начинал свою карьеру в качестве офицера военноморского флота Франции. Был приверженцем бывшего монаха доминиканца Караччиоли, который тоже стал пиратом, но, как он всех вокруг уверял, только для того, чтобы, захватив один из островов, основать там «Либерталию» (об этом читайте в моем романе «Пиратская страна «Либерталия»), страну свободных людей, в обществе которых не признавалось бы право на частную собственность. По некоторым сведениям, такая республика вскоре была основана на северной оконечности Мадагаскара. Президентом ее якобы был избран сам капитан Миссон. Однако просуществовала республика недолго, так как вскоре пала под натиском воинственных аборигенов. (Автор.)

– Да потому, что многие в Ливерпуле знают, что я являюсь незаконнорожденным сыном лорда.

Тут уже Рольф и Грей заржали так, что эхо достигло прибрежных скал и пошло гулять по горным лесистым окрестностям.

– Это не так смешно, как вам кажется, джентльмены, – спокойно заметил Лорд-Висельник. – Даже если бы все пираты Вест-Индии принялись обхохатывать это известие, хватаясь за животы, суть от этого не изменится. Перед вами и в самом деле сын лорда, хотя и незаконнорожденный. – Том стойко выдержал еще один приступ хохота и, как ни в чем ни бывало, продолжил: – Даже находясь среди пиратов, – хотя, замечу, начинал я свою службу королю сержантом пехотного полка, – я все же чувствую, как во мне полыхает кровь аристократа.

– Это заметно, – простонал Грей сквозь слезы смеха.

– Да, джентльмены, она полыхает во мне, извергается высокомерием и гордостью, прорывается гневом и страстью к роскоши, страстью, которую я так до сих пор и не способен ни удовлетворить, ни тем более погасить в себе. Я – лорд, я – граф, я – аристократ... Даже восходя на виселицу, буду восходить, как велят мне честь и гордость аристократа. И никакая стихия морей, никакие насмешки, никакая дикость пиратского сообщества и островных аборигенов не способны заставить мое аристократическое величие угаснуть. Да, джентльмены, да... Лорд-Висельник, Внебрачный Лорд... Пусть так. Но все может быть в этом мире, все может быть... Вдруг когда-нибудь...

– Кто же из досточтимых лордов должен иметь счастье считать себя вашим отцом? – с трудом вклинился в его аристократический монолог Грей, отмечая про себя, что говорит этот проходимец и в самом деле довольно складно, любой профессор позавидовал бы.

– Лорд Джеферсон, джентльмены.

– Джеферсон?! – напряг память барон фон Рольф. – Тот самый, который еще недавно был послом Великобритании в Португалии?!

– Вы поразили меня своими познаниями, мистер Рольф.

– Барон фон Рольф, – коль уж тут принялись щеголять аристократическими титулами.

– Причем вполне законнорожденный и наследственный, – заметил Грей.

– Снимаю шляпу вежливости, джентльмены, – ничуть не смутился Лорд-Висельник. – Извините, что вынужден называть это всем известное имя. Но думаю, что, назвав его, не согрешу против истины, и уж ни в коей мере не унижу достойного имени отца моего, равно как и достоинства его – а значит, и моего тоже – древнего рода.

– Тебе бы пастором быть, висельник, – проворчал Грей.

– Только не пастором. Ненавижу пасторов, равно как и лейтенантов. Кстати, фамилия моя тоже – Джеферсон. Том Джеферсон. Когда-нибудь это имя будет греметь на всю Вест-Индию. Его будут знать во всех владениях Великобритании. Тем более что мать моя тоже, заметьте, джентльмены, не из прачек. Она – дочь известного в Ливерпуле адвоката, викария.

– А я теряюсь в догадках: откуда такой гейзер красноречия? – ухмыльнулся Рольф. – Оказывается, это у вас наследственное.

– В любом случае, учитывая все вышесказанное, вам, господа, следовало бы немедленно извиниться, освободить меня от веревок и впредь вести себя со мной как подобает вести себя с человеком моего сословия и достоинства.

Рольф и Грей вопросительно переглянулись, однако улыбки на лицах их все еще были преисполнены добродушной иронии.

– Так что будем делать, штурман Грей? Все-таки не так уж часто на борту корабля оказывается сам... лорд Джеферсон.

– И, вполне возможно, будущий вице-король Вест-Индии. В крайнем случае, вице-адмирал флота его королевского величества, – не упустил возможности повысить свой статус в глазах моряков Лорд-Висельник.

- Одного «адмирала трех морей» на борту мы уже имеем, – шутливо проворчал Рольф.
- Не говоря уже о том, что на борту замечен барон, – съязвил штурман.
- Не слишком ли много адмиралов и аристократов для одного судна? – подытожил Рольф. – И вообще, кто способен командовать такой командой?!
- Примите мои сочувствия, господа, – подал основательно осевший голос Лорд-Висельник, которому и в самом деле не помешал бы сейчас глоток рома или хорошего вина.
- Команду поручено формировать вам, Грей, – лукаво улыбнулся капитан Рольф, прекрасно помнивший, что никакого такого поручения штурману он не давал. Но коль уж тот присвоил себе такое право... – Так что решайте: то ли в команду, то ли за борт.
- Разве что потребовать, чтобы он дал слово лорда и поклялся честью своего отца и всего рода Джеферсонов, что не предаст нас, а, став членом вашей команды, будет выполнять все ваши приказы, – смиловился над поверженным аристократом Грей, не обращая при этом внимания на колкости Рольфа.
- Почему бы вам не выразиться проще, штурман, – все еще не отказывался от своих амбиций Лорд-Висельник, – то есть не сказать: «Мы рады видеть вас членом нашей команды, уважаемый Том Джеферсон».
- Все, что я хотел сказать, я уже сказал, – ужесточил тон штурман Грей.
- И тогда Джеферсон сразу же сменил тактику.
- Нет, вы заметили, капитан?.. – вдруг благодарственно оживился он. – Обратите внимание на этого парня. Несмотря на некоторые сугубо садистские наклонности, он все же не лишен налета цивилизованности, и из него еще вполне можно будет воспитать неплохого моряка.
- Вы слышали наши условия, Джеферсон, – прервал его Рольф. – И прошу учесть: сейчас решается ваша судьба, а не судьба штурмана Грея.
- Но, джентльмены, я ведь тоже обязан высказать свое мнение по этому поводу. Даже стоя под виселицей, аристократ имеет право высказать свое особое мнение.
- Разве что о прочности веревки, на которой его в следующее мгновение вздернут, – еще более резко прервал его Рольф. – И прошу не отвлекаться по пустякам. Сейчас вы не на заседании палаты лордов.
- К сожалению, нет. Хотя охотно сменил бы влажную скамью этой шлюпки на скамью в палате лордов. Так что от меня требуется, джентльмены?
- Слово лорда и моряка, что не предадите нас и будете выполнять все наши – мои и штурмана – приказы и команды.
- Боже мой, а кто мог усомниться в том, что Том Джеферсон не предаст? Джентльмены, вы не правы...
- Прекратите эту болтовню, Джеферсон, – выхватил Грей пистолет. – Иначе я лишу вас слова раз и на целую вечность. Не думаю, что в аду вам позволят оставаться столь же многословным, как здесь.
- Внебрачный Лорд все еще опасался Грея куда больше, нежели капитана. Увидев направленный на него пистолет, он тотчас же понял, что время на песочных часах его истекло.
- Слово лорда и моряка, джентльмены. В моем лице вы получите самого дисциплинированного матроса. А, возможно, и капитана вспомогательного корабля. Учítывая мое происхождение и мой опыт, а также знание многих портов и обычаев. Так что подумайте, джентльмены, над моим предложением.
- Судя по наглости, он действительно происходит из лордов, – вынужден был признать Грей.
- У меня закралось то же подозрение, штурман.
- Давайте освободим его, капитан.

– Придется. Займитесь этим, Грей. Кстати, лорд, вы подсказали неплохую идею: назначить вас шкипером⁶ как человека надежного и опытного.

И тут аристократический апломб предал Лорда-Висельника.

– Вы назначаете меня шкипером, капитан? – искренне обрадовался он, мигом забыв о былой вальяжности. – Это по-настоящему благородно, господа. Весьма тронут.

– С условием, что при необходимости будете помогать мистеру Грею справляться с обязанностями штурмана.

– Именно это я и имел в виду, говоря о своей роли в вашем благородном мероприятии, джентльмены. Меня приятно поражает ваша способность, сэр, тонко улавливать ход моих мыслей.

– Ох и болтун же ты, – ворчал Грей, морочась с его веревками.

– Это единственный мой порок, милорд.

Когда Внебрачный Лорд взобрался на накрененную палубу «Нормандца», Рольф вновь, теперь уже более пристально, присмотрелся к нему. Среднего роста, плечистый, крутой волевой подбородок, прямой, и впрямь аристократический, нос англосакса, тонкие, аристократически поджатые губы.

«То ли неплохой артист, то ли в нем действительно бурлит и вулканизует аристократическая кровь наследственных лордов Джеферсонов», – подумалось Рольфу. На всякий случай он подал Лорду-Висельнику руку и, стараясь не выказывать иронии, представился:

– Лейтенант военного флота его величества, барон фон Рольф. Из древнего нормандского рода Рольфов. В настоящее время являюсь капитаном фрегата «Адмирал Дрейк».

– Мне известно это судно, сэр, – величаво склонил голову Лорд-Висельник. – Вам повезло.

– Вам, полагаю, тоже.

– Именно так и следовало начинать наше знакомство, барон. Как люди благородные будем считать это рукопожатие истинным началом нашего сотрудничества, забыв обо всем, что ему предшествовало. Так велят честь, долг и кровь аристократа, джентльмены. А теперь пожалуйста за мной. Имею честь показать вам все, что осталось от некогда воинственного фрегата «Нормандец».

19

Обойдя все надстройки и оставшуюся над водой трюмную часть, моряки обнаружили, что здесь сохранилось немало свежего провианта: мешки с горохом и бобами, мука, рундуки с ячменными хлопьями и крупами, несколько бочек красного вина и рома.

Мысленно соединив эти запасы с теми, что имелись на «Адмирале Дрейке», Рольф прикинул, что их небольшой команде этого провианта вполне хватило бы как минимум на четыре месяца – особенно если учесть, что на острове великое множество дичи. Радовало и то, что на «Нормандце» имелось много пороха и свинца, около пяти десятков ружей и пистолетов, а также сабли, ножи и даже пики – незаменимое оружие при отражении абордажной атаки.

– Но и это еще не все, господа, – заявил Внебрачный Лорд, когда, завершив осмотр, они вновь вышли на залитую солнцем палубу. – Главное состояние все еще находится там, – и указал на затопленную часть корабля. – Потому что именно там пребывают три бочонка с золотыми монетами и несколько бочонков со слитками серебра и золота.

– Очень часто продовольствие и запасы питьевой воды на корабле действительно ценятся дороже золота, – сказал Рольф. – Но в данном случае вы явно испытывали наше любопытство, шкипер.

---

⁶ На больших морских судах шкипер отвечал за все палубное имущество, а также за содержимое трюмов.

- Все равно обладателями этих сокровищ являемся мы с вами, джентльмены.
- Теперь уже несомненно.
- Следует подумать, как ими благоразумно распорядиться. И если распорядиться мы сумеем, как подобает джентльменам...
- А как собиралась распорядиться своим состоянием команда «Нормандца»?
- Рассчитывали, что, придя в более или менее спокойный порт, сможем разделить все это, и те, кто пожелает – а среди них и ваш покорный слуга, – вернуться к более достойной жизни, нежели та, что дарит им современное пиратство. Которое, должен вам доложить, джентльмены, хотя все еще овеяно романтикой, однако слишком уж неприбыльное, непрестижное и, я бы даже осмелился утверждать, опасное дело.
- Считайте, что остальная часть команды согласна с вашими глубокомысленными выводами, шкипер, – промолвил капитан.
- Каперские свидетельства монархии выдают теперь все неохотнее, в то время как все охотнее объединяют свои усилия в борьбе против вольных стрелков моря. Что скажете на это, джентльмены?
- Ваше сообщение о бочонках весьма заинтриговало нас, шкипер, вот что я скажу, – сразу же пресек возможную полемику относительно пиратской романтики капитан Рольф.
- В таком случае готов указать вам, где именно нужно нырять. Бочонки следует захватывать сетями и вытаскивать на палубу. Или, в крайнем случае, можно прорубить правый, более высокий, борт, чтобы попытаться выкатывать их на отмель. Есть еще одна возможность: доставать монеты и слитки из бочек и выносить их из-под воды в мешочках. Занятие довольно муторное, но в принципе способно окупить себя. Как вам ход моих рассуждений, джентльмены?
- Вполне достоин лорда Джеферсона, – признал капитан.
- Однако я еще не назвал своего особого условия.
- Кроме «особого мнения» у вас еще, оказывается, есть и «особые условия»?
- Вот оно: половина одного из бочонков – моя.
- Что вполне справедливо, – признал Рольф. Но, по традиции, дележом добычи, насколько я знаю, занимается штурман. Так что выясняйте свое отношение к золоту с ним.
- Внебрачный Лорд недовольно пожевал нижнюю губу и проворчал нечто нечленораздельное.
- Да не пугайтесь вы, лорд, – похлопал его по плечу Грей. – Теперь, когда вы стали членом команды, мы очень быстро подружимся. Вы даже получите лишнюю горсть монет, о которой не узнает никто, в том числе и капитан.
- Что было бы весьма предусмотрительным, – невозмутимо признал Рольф. И эта его рассудительная долготерпимость все больше нравилась Грею. Как все больше нравился и сам этот человек, с которым столь неожиданно, но столь удачно свела его судьба моряка.
- И мне будет позволено спрятать часть своей доли на острове? В том месте, где я пожелаю?
- Могу даже указать самые надежные места, – пошутил Рольф. – Как-никак знаю весь остров.
- Нет уж, спасибо. Хотя о недоверии к вам не может быть и речи. Но золото, как и всякие прочие деньги, – вещь сама по себе подлая. Оно способно поссорить даже весьма уважаемых джентльменов. За работу примемся прямо сейчас?
- Для начала выпьем хорошего вина и поедим, – предложил Рольф. – В конце концов пришло время обеда. К тому же нигде так не скрепляется дружба, как за кружкой хорошего вина. Джентльмены, займитесь столом, который стоит накрыть в каюте капитана. Я же пока осмотрю остатки корабля и пройдуся той частью, что чуть было не оказалась под водой.

– Не будет ли справедливее, чтобы этим занялся самый молодой член нашей команды? – коварно посоветовал Внебрачный Лорд. – Но уже после обеда.

– Э, нет. Во-первых, я плохо плаваю, во-вторых, еще хуже ныряю, – заупрямился Грей. – К тому же здесь множество акул.

Том выслушал штурмана, высоко вздернув подбородок, затем, не опуская его, повернулся лицом к Рольфу.

– Вот они, нынешние молодые моряки, сэр. Если бы мне когда-нибудь взбрело в голову признаться капитану, что я плохо плаваю и боюсь снующих у борта акул, то мне тут же пришлось бы покончить жизнь самоубийством, как велят честь, долг и кровь аристократа.

– Займитесь обедом, шкипер, – назидательно повторил свой приказ капитан, не желая поощрять соперничество подчиненных. – И как можно скорее.

20

– Может, попробуем вместе? – предложил Рольф, раздеваясь у мачты. – Давайте, Грей, оголяйтесь. Заодно поучитесь нырять.

– Нет-нет, – помотал головой штурман, успевший переодеться. – Вы приказали накрывать стол. Сейчас он будет накрыт.

– Внебрачный Лорд и сам справится с этим.

– Но не лучше меня. В конце концов я начинал помощником кока. А уж затем был возведен в ранг ученика штурмана.

– Сногсшибательная карьера. Если у нас не окажется достойного кока, придется остановить свой выбор на вас.

– Никогда. Не спору, мне нравится готовить. Особенно приятно будет делать это для вас. Но я остаюсь штурманом.

– Вам, Констанций, следовало родиться женщиной. Не обижайтесь, вины вашей в этом нет. Просто суровая мужская жизнь слишком опасна для вас. Да, судя по всему, вы и не примлете ее.

Совершенно забыв о присутствии Грея, капитан разделся донага, сложил одежду на канатный сундук, стоявший под мачтой, и медленно побрел на затопленную часть «Нормандца».

Прежде чем войти в каюту капитана, Грей бесстыдно осмотрел Рольфа; отметив про себя, как прекрасно сложен этот мужчина, каким могучим предстает его на удивление загорелое тело (не исключено, что значительную часть своего отшельничества он пребывал в обнаженном состоянии, уподобляясь аборигенам, а точнее, сохраняя свое единственное одеяние), Констанций загадочно ухмыльнулся и, пожелав барону приятного купания, исчез.

Обнаружив вход в трюм, Рольф открыл люк и, придерживаясь за поручень, нырнул в него. На один из бочонков он наткнулся сразу же, прямо на ступенях. Скатившись, тот застрял посреди лестницы. Ощупав его и убедившись, что бочонок не заклинило и поднять его будет не так уж сложно, он вынырнул и, раздобыв два куска каната, приготовил петли, которые затем без особого труда затянул на бочонке.

Капитану даже не понадобилось звать на помощь. Ухватившись за оба каната, он медленно вытащил бочонок на палубу, вода над которой едва достигала колен, а затем перекатил его к мачте.

– Просто странно, с какой легкостью ты становишься одним из самых богатых людей Нового Света, – пробормотал он, отправляясь на поиски следующей добычи. Изучить содержимое бочонка он решил потом, времени было предостаточно. – Кто бы мог подумать, что с тобой одним к обитаемому острову может прибить такие сокровища! Если только все то, что

происходит сейчас, не сон, а дележ добычи не закончится кровавой драмой, можешь считать сегодняшний день – днем своего ангела-спасителя.

Едва не задохнувшись под водой, он сумел подкатить к лестнице еще один бочонок и тоже вытащил его. Только извлекая третий, вынужден был позвать на помощь Грея. Каковым же было его удивление, когда вместо него на палубе появился Внебрачный Лорд.

– Этот ваш парень, капитан, боится воды, как ведьма – освященной инквизицией проруби. Не знаете, как и почему такие оказываются на кораблях?

– Возможно, стесняется раздеваться при нас, – пожал плечами барон.

– Стесняется? Кого?! Здесь что, женщины?! Впрочем, все зависит от воспитания и впечатлительности. Да, барон, и от впечатлительности – тоже.

Обнажив непропорционально большую, выпуклую грудь, пират помассировал ее короткими крупными пальцами и прямо в штанах нырнул в люк, отстранив при этом капитана. Рольф потом поражался, как долго умудряется этот человек быть под водой. Тем не менее дальше четвертого бочонка дело не пошло.

– Как я уже говорил, сэр, нужно будет пробиваться к трюму со стороны кормы или же рубить правый борт. Еще лучше – попробовать и то, и другое: сокровища стоят любых наших усилий.

Подкатив четвертый бочонок к остальным трем, они уселись между ними и несколько минут сидели молча, приходя в себя и стараясь отдышаться. При этом каждый из них демонстрировал, что жадностью не заражен и что содержимое бочонков не очень-то интересует его.

– Мы как-то совершенно упустили из вида тех двоих, что ушли в глубь острова, – нарушил молчание капитан.

– Что верно, то верно. Упускать их из вида не стоит. Не те они люди, чтобы позволить не принимать их в расчет. Особенно это касается первого штурмана, Джесса Марра – человека злого и до неописуемости мстительного. Не говоря уже об алчности. Ходят слухи, что он умудрился поднять бунты уже на трех кораблях. Поэтому обычно капитан Рейтель остерегался его.

– Почему же тогда назначил первым штурманом?

– Чтобы держать поближе к себе. К тому же вынужден был постоянно ублажать его, ведь среди команды было немало сторонников Марра.

– С ним ясно. Кто второй? Мне показалось, что следы принадлежат юнге. Если только не женщине, – на всякий случай Рольф хохотнул, заранее предупреждая, что шутит.

Но Лорд-Висельник загадочно осклабился и столь же загадочно покачал головой.

– Значит, вам тоже так показалось?

– То есть это женщина?

– Не стану утверждать. Скорее всего, не женщина. Но и не мужчина. Он появился у нас совершенно недавно, на острове Нью-Провиденс, куда мы заходили, чтобы получить амнистию.

– И вы ее получили?

– Теперь, сэр, ее получают все, кто покаянно попросит об этом губернатора острова Нью-Провиденс, досточтимого мистера Роджерса, – виновато объяснил Лорд-Висельник. – Мы не стали исключением. В Нью-Провиденс мы вошли пиратами, а вышли из него каперами, посылая приветствия судьям и палачам Англии. Так что сейчас Лорд-Висельник чист перед королем и законом, а потому сокровища, таящиеся в этих посудидах, – похлопал он рукой по бочонку, – пришлись бы ему очень кстати. Но смею предположить, что мы несколько отвлеклись, сэр.

– Нет, то, что вы сообщили, тоже важно.

– Так вот, Стив Норвуд, как зовут этого парня, появился у нас уже после объявления амнистии, за два часа до отплытия, в роли юнги. Как вы уже поняли, пробыл он на корабле всего месяц, даже чуть поменьше. Но мы почти не видели его. Если Стив и появлялся на палубе, то лишь на баке и в сопровождении капитана Рейтеля. Когда капитан прогуливался

по баку, все остальные пытались не соваться туда, чтобы не мельтешить у него перед глазами: Рейтель терпеть этого не мог. А если уж он не мог чего-либо терпеть, то нетерпение его обычно завершалось ударами плети, которой он любил прогуливаться по спинам матросов, как по спинам черных рабов.

– И вы, Лорд-Висельник, терпели это? – как бы мимолетно поинтересовался Рольф.

– В отношении меня плантаторские замашки Рейтеля – кстати, сына плантатора – проявлялись не столь ярко, как в отношении других моряков. Тем не менее, поведение его было вызывающим.

– Обычно на пиратских кораблях капитанов принуждают вести себя более сдержанно.

– Так оно и происходит, сэр, когда команда дружна и когда у нее появляется вожак, способный, если это понадобится, говорить с капитаном на равных. Но, видит Бог, ни единства, ни вожака на «Нормандце» не было. Капитан словно бы умышленно подбирал весь портовый сброд, готовый идти в море за пайку сухарей, только бы не бездомничать под кабаками, где их пинал ногами любой стражник и откуда вела прямая дорога на виселицу, ибо жить они могли только воровством.

– Однако Стив Норвуд к отбросам такого сорта не принадлежал? Каким он предстал перед вами?

– Благовоспитанным, сэр. Насколько это возможно для человека, случайно оказавшегося в роли юнги на пиратском корабле. Неплохо одет, новые башмаки, короткая аккуратная стрижка. Нет, на бродягу он явно не был похож. Впрочем, поговорить с ним мне так и не пришлось: капитан опекал его куда более жестко, нежели блюл бы собственную невесту.

– Кажется, только что вы произнесли то, что боялись произносить при жизни самого капитана и в присутствии Стива Норвуда.

– Да, сэр, странное сложилось у меня впечатление по поводу этого юноши. Было несколько эпизодов. Особенно один из них – я бы сказал, подозрительно невнятный.

Так и завершив свой рассказ на этом «невянтом» эпизоде, Внебрачный Лорд, как всегда, горделиво вскинул подбородок и, поджав губы, замолчал, словно и в самом деле только что закончил речь в палате лордов, в присутствии королевы.

– Но оружием-то он хоть владеет?

– Несомненно, сэр. Пусть это не покажется вам столь же странным, как показалось нам, команде, но мы наблюдали, как он фехтовал с Марром, первым штурманом. Такие выпады, сэр, такая защита от ударов... А ведь, замечу, что Джесс Марр, при всем моем неуважении к нему, – не из худших фехтовальщиков и один из лучших абордажных бойцов команды. Он не раз доказывал это в бою.

– Нам следует учесть его умение, – задумчиво произнес Рольф.

– К этой мысли я и хотел подвести вас, милорд. Извините, «милорд» – это у меня что-то в виде такого себе «словца».

– Я это уже уловил. Вернемся к Марру.

– Так вот, когда Марр давал Норвуду уроки фехтования – а происходило это чуть ли не каждый день, – то было не совсем ясно, кто выступает в роли ученика. Единственное, что сразу же бросалось в глаза, – удар у юнги послабее. Да и сдерживать удар первого штурмана ему было неловко. Но ежедневные тренировки, сэр... И потом, знание приемов фехтования... Нет, Стив Норвуд, как подсказывают мне честь и кровь аристократа, не из припортовых бродяг. В чем вы сами очень скоро сумеете убедиться.

21

Пока они беседовали, из камбуза повеяло дымком. Потянув носами, Рольф и Внебрачный Лорд переглянулись и уважительно покачали головами.

– На кухне этот парень чувствует себя куда увереннее, нежели в окруженной акулами шлюпке, – заметил Лорд-Висельник.

– Только не пытайтесь доставать его своими замечаниями, Джеферсон. Кстати, он тоже прекрасный фехтовальщик, а главное, при любой возможности хватается за оружие. Ничего не поделаешь, есть такой тип кровожадных моряков. Поэтому в следующий раз он, не задумываясь, ударит вас не рукоятью сабли, а ножом.

– Спасибо, за предупреждение, капитан, – безропотно поблагодарил Внебрачный Лорд.

– Но дело даже не в этом. Мне бы хотелось, чтобы мы трое да еще боцман Гунн, который вскоре должен появиться здесь, составили костяк новой команды. И чтобы всякий вновь появившийся в ней сразу же чувствовал: костяк этот существует, а потому с заговорами и бунтами на судне не разгуляешься.

– Очень правильная мысль, сэр. Честь и кровь аристократа подсказывает мне то же самое. Если в моем поведении и обнаруживаются черты простолюдина, капитан, то это не от крови, а от постоянного общения с такими людьми, как Марр и прочий сброд. Но когда капитаном становится столь достойный аристократ, как вы, барон...

– Самое время осмотреть наш золотой «улов», – прервал его Рольф. Несмотря на уважительность, с которой он беседовал со Внебрачным Лордом, никакой уверенности в аристократическом происхождении его у капитана не прибавилось.

– Самое время, сэр. Вдвоем нам легче будет оценить и обсудить создавшееся положение.

В первом же вскрытом ими бочонке оказалось соленое свиное мясо. Бочонок был настолько старательно законопачен и покрыт воском, что морская вода еще не успела проникнуть в него. Во всяком случае, серединная часть мяса была вполне пригодна к употреблению. Убедившись в этом, Лорд-Висельник воинственно прокричал: «Теперь мы непобедимы!» и даже принялся отплясывать возле него, радуясь этой находке больше, чем если бы бочонок действительно оказался набит золотом.

– Прошу прощения, сэр, – понял он свою оплошность. – Но по природе своей, по чести и крови аристократа, я гурман. Да, сэр, изысканный гурман. И этим, как вы со временем поймете, объясняется многое. Эй, штурман Грей! Получите мясо и выложите на стол лучшие куски его.

– Но, может быть, и в остальных бочонках – то же самое? – высказал довольно безраздостное сомнение Рольф.

– Даже если ваше предположение подтвердится, это не должно повергать нас в уныние. Ибо очень скоро... Впрочем, кажется, вы говорили о том, что на острове полно всякой дичи. Зато потом, когда мы выйдем в море...

– Послушайте вы, Лорд-Висельник, – неожиданно вскипел Рольф. – Только что вы морочили мне голову рассказами о целом сокровище, которое якобы таится в трюме. Если вы лгали, первая часть вашего прозвища исчезнет, останется только вторая. Вы улавливаете ход моих мыслей, господин Лорд-Висельник? – придал он особое ударение слову «висельник».

Второй бочонок и в самом деле оказался наполненным золотыми монетами: английскими, испанскими, португальскими... Здесь было целое состояние. Еще более богатыми они ощутили себя, когда вскрыли бочонок со слитками и довольно большими самородками золота, наподобие тех, какие испанцы обычно поставляли из Вест-Индии в казну своего короля.

– Ну, теперь вы поняли, что слово Тома Джеферсона – это слово истинного лорда?

– Понемногу убеждаюсь, – сдержанно признал Рольф, не решаясь признаться, что слишком рано погорячился.

– Тем более странно, что я не вижу радости на вашем лице, капитан. Отныне все это – наше. Все, представляете?! А ведь там, в трюме, есть еще несколько бочонков.

– Вы тоже не пляшете от радости, Джеферсон. И вообще, сокровища, как утверждают знающие люди, редко когда приносят их владельцам длительную радость. Куда чаще они стоят крови и страха...

– Все это потому, что, как правило, они попадают к людям, не обладающим никакой фантазией. Те не способны ни надлежащим образом вложить свои сокровища в какое-либо доходное предприятие, ни достойно растратить их. Одни мгновенно впадают в беспробудный кутеж, другие, наоборот, замыкаются в себе и своей норе, и до последних дней жизни алчно дрожат над каждым шиллингом, боясь ощутить себя хоть на монетку беднее, нежели были вчера.

– Для начала нам пока еще предстоит мудро разделить эти сокровища, по справедливости.

– Еще никому в мире не удавалось разделить их «по справедливости». Какими бы огромными эти сокровища ни были. Поэтому мой вам совет, сэр: давайте немедленно переправим бочонки на остров и припрячем их, пока не вернулись Марр и Нордвуд. Если Грей сумеет придержать язык за зубами, они и знать не будут, что бочонки уже извлечены.

– Полагаете, что «справедливый» дележ следует начинать со вполне справедливого обмана?

– Сам по себе дележ, сэр, возможен только тогда, когда мы выясним, как эти люди настроены по отношению к нам, а следовательно, чего они стоят.

Согласившись, что Лорд-Висельник прав, капитан настороженно осмотрел берег. Бочонки действительно следовало как можно быстрее переправить туда. И суть этой операции заключалась не только в выяснении, кто чего стоит.

Если они втроем переправят бочонки на остров, то эти сокровища станут тем общим, что способно будет объединять их. Они сразу же превратятся в их общую тайну, общий интерес. К тому же исчезновение из трюмов золота и серебра поможет избежать ссоры с теми двумя пиратами, которые вот-вот вернутся и которые, конечно же, решат, будто имеют больше прав на золото, нежели он, Рольф, и штурман Грей.

22

Приняв решение, капитан тотчас же оторвал Констанция от плиты, и приказав позабыть на время об обеде, приняться за настоящее, достойное моряка, дело.

Завернув бочонок с золотом в парусину, они погрузили его на шлюпку и отвезли за мыс, за которым Джеферсон уже успел побывать и который давно был известен Рольфу. Там, на довольно крутом склоне, на высоте четырех метров, они отыскали небольшую седловину, образовавшуюся между стволами двух могучих кленов и густым кустарником и, быстро орудуя лопатами, погребли сокровища под песком и щебнем. Точно так же они поступили с двумя остальными бочонками, условившись при этом, что каждому из троих принадлежит равная доля содержащегося в них богатства.

Замаскировав свои тайники дерном и тщательно замата за собой следы, они спустились к шлюпке и, по инициативе капитана, крепко пожали друг другу руки.

– Если кто-либо из нас погибнет, двое других передадут его долю тому, кому будет указано в завещании погибшего, – молвил Рольф. – Пусть каждый подумает, кому именно, и сообщит. Но лично я, в случае гибели, завещаю свою долю вам двоим. Надеюсь, что вы поделите их и в самом деле по справедливости.

Грей и Джеферсон переглянулись, и штурман тотчас же заявил, что принимает точно такое же решение.

– Весьма благородно, джентльмены, весьма благородно, – не спешил поддержать их собственным бескорыстием Лорд-Висельник. – Однако у меня особые взгляды на ценность оказавшихся у нас сокровищ. В принципе, я тоже мог бы завещать свою часть вам, тем более что мать моя умерла, а внебрачный отец в моих пожертвованиях не нуждается. Особенно, если узнает, каким образом они мне достались. Церковь же – если только священник ее не отпетый

проходимец, вроде нас с вами, – попросту откажется от моего пожертвования, небогоугодными трудами добытого.

– Так что вы предлагаете, лорд? – кончилось терпение Грея, первым усевшегося на весла. – Чтобы на оставшуюся после вас долю мы соорудили на этом мысе конную статую Лорда-Висельника в доспехах из чистого золота? Тогда так прямо и говорите, не стесняйтесь.

– Конную статую? – вполне спокойно воспринял эту идею Том и, остановившись у шлюпки, внимательно осмотрел взмывающий ввысь каменистый выступ мыса. – А что, место вполне подходящее, джентльмены. И сокровищ, которые все еще ждут нас в трюме «Нормандца», вполне хватит на золотые доспехи. Но, если позволите, образ моих мыслей заключается в совершенно иных соображениях...

– Пироги! – вдруг закричал Грей, не дослушав многословное рассуждение Внебрачного Лорда. – Сразу три пироги туземцев!

– Так вот, джентльмены, относительно моего завещания, – решил было невозмутимо продолжить Том, однако метнувшийся к шлюпке Рольф чуть не сбил его с ног и, под руку затащив в шлюпку, приказал браться за весла.

– Быстро – к кораблю! Если мы не успеем к нему первыми, выполнять наши завещания будет некому!

Пироги еще только показались из-за дальней косы. Туземцы уже заметили останки корабля, но медлили, не торопясь устремляться к нему. Веером развернувшись на выходе из небольшой бухты, они, очевидно, совещались, решая, как поступать: немедленно направляться к кораблю или же позвать на помощь соплеменников? Еще больше сбило их с толку то, что со стороны мыса к кораблю направляется шлюпка с матросами. Приближаясь к «Нормандцу», Рольф уже видел, как, приподнявшись, двое туземцев внимательно осматривают ту часть берега, от которой они, моряки, отошли.

– Как бы эти нехристи не набрали по нашим следам на золото, – встревожился Грей.

– Сейчас оно интересует их менее всего, – возразил капитан. – Они пытаются выяснить, есть ли на берегу наш лагерь и где – на корабле или на острове – пребывает основная часть команды.

– Вполне возможно, что теперь эти людоеды мысленно делят нас точно так же, как мы сами только что делили золото, – вздохнул Грей.

– Гребите изо всех сил, – приказал ему капитан. – Пироги быстроходны, а потому аборигены могут перестрелять нас, прежде чем мы поднимемся на судно.

– Уже не успеют, капитан, – устало выдохнул Джеферсон, – при всей быстроходности их корыт.

Вот только уверенность его выглядела не слишком убедительной.

Несколько минут они молча налегали на весла, нацеливая шлюпку прямо на широкую, мощную корму «Нормандца». Оказавшись под ее прикрытием, моряки немного успокоились и, приготовив пистолеты, осторожно вышли из-за нее. Туземцы, наверное, все еще не решили: атаковать корабль или же поостеречься. Почти соединившись бортами, они теперь несмело приближались к судну, пытаясь понять, что на нем происходит. И лишь когда Рольф и Джеферсон начали подниматься на палубу, в сторону «Нормандца» полетели первые стрелы. Но они едва достигали того места, где из воды чуть-чуть выступал нос корабля.

Заведя шлюпку на затопленную часть судна, моряки затем подтащили ее поближе к мачте, опасаясь, как бы она не досталась туземцам.

Прихватив каждый по три ружья и по два пистолета, моряки рассредоточились по корме. При этом каждый устраивался так, чтобы, оставаясь защищенным от стрел, мог поражать аборигенов еще до того, как они достигнут борта корабля.

– Не вступить ли с ними в переговоры, лорд? – неуверенно спросил Рольф. – У вас, судя по всему, больше опыта в общении с этими джентльменами.

– Только не называйте их джентльменами в моем присутствии! – буквально взревел Джефферсон. – Я этого не прощаю. Если мы хотим выиграть несколько минут, рискнуть, конечно, можно. Но что они дадут нам, эти несколько минут? Разве что позволят пирогам приблизиться прямо к судну. К тому же индейцы могут пронзить вас стрелой прежде, чем вы успеете прокашляться, чтобы начать свою тронную речь. Грей, давайте-ка лучше развернем пару орудий так, чтобы можно было распугать их.

Пока штурман и шкипер готовили к бою орудия, Рольф отнес к каюте капитана и соединенной с ней каюте слуги еще несколько ружей и пистолетов, а также почти все имеющиеся на судне копья. А затем забаррикадировал дверь, ведущую в каюту слуги, сундуками и приготовил все, что подвернется под руку, для баррикадирования пристанища капитана. Именно оно должно было стать тем последним фортом, в котором им надлежало обороняться от туземцев до последней возможности.

Покончив со всем этим, барон вышел на палубу и, прячась за пристройкой, осмотрел лодки индейцев.

Аборигены по-прежнему не спешили. Они приближались медленно, но неотвратно, как стая акул. Это были большие пироги, в каждой из которых находилось по четверо туземцев. Двенадцать против трех. «Но если учесть, что у нас есть два орудия, – прикинул капитан, – пользы от которых пусть и немного, но все же... К тому же мы владеем ружьями и пистолетами...»

Повинуясь команде вождя, индейцы осыпали корабль градом стрел и, хотя никто из матросов не пострадал, воинственно взвыли, потрясая высоко поднятыми над головой луками и копьями.

– Молите Бога, чтобы эти твари не догадались смочить наконечники стрел ядом! – посоветовал Том капитану. И тут же выстрелил из ружья.

На первый взгляд выстрел мог показаться неудачным, поскольку ни один индеец ранен не был, но очень скоро капитан понял, что он не прав. На средней пироге засуетились. Судя по всему, пуля изнутри пробила борт их суденышка, и туда начала поступать вода. Именно по этой пироге выстрелил из орудия и Грей. Ядро упало рядом с лодкой, возможно, даже прошло под нею, потому что она перевернулась, накрыв всех четверых воителей.

– Честь моряка! – воинственно прокричал теперь уже Внебрачный Лорд. И двое остальных моряков поддержали его: – Честь моряка!

Воодушевленный этой победой Грей выстрелил из второго орудия, но снаряд прошел слишком высоко над головами индейцев. Теперь уже возиться с орудиями было некогда. Взявшись за ружья, они залпом ударили по пироге, которая только что избежала попадания ядра – тем более, что к ней устремились двое индейцев, очутившихся в воде. Но тот, первый, который уже, казалось, достиг борта пироги, неожиданно высоко выпрыгнул из воды, пронзительно закричал и исчез в пенящейся волне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.